

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
і.м.М.П.ДРАГОМАНОВА
ІНСТИТУТ ІСТОРИЧНОЇ ОСВІТИ
КАФЕДРА ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ СЛОВ'ЯН
ЛАБОРАТОРІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

VESTIGIA SEMPER ADORA

ЗБІРКА ТЕЗ ДОПОВІДЕЙ НА КОНФЕРЕНЦІЇ

*ЧЕРНЯХІВСЬКА КУЛЬТУРА.
АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ДОСЛІДЖЕНЬ.
(ДО 40-РІЧЧЯ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ
НПУ і.м.М.П.ДРАГОМАНОВА)*

15 - 17 ЖОВТНЯ 2010 р.

КИЇВ - 2010

З М І С Т

<i>Абашина Н. С.</i> Н. М. Кравченко – дослідниця черняхівської культури	2-5
<i>Акимов Д.В.</i> Черняховская миграция в район бассейна Верхнего Дона в гуннское время	5-9
<i>Баран В.Д.</i> Поселення в Теремцях і проблема формування слов'янських ранньосередньовічних культур	9-12
<i>Башкатов Ю.Ю.</i> Нові дослідження черняхівських пам'яток на півдні Середнього Подніпров'я	3-16
<i>Варачева К.Г.</i> Место стеклянных и глиняных кубков в «сервизе» погребений на могильниках черняховской культуры днепро-донецкой лесостепи	16-20
<i>Войнаровський В.М.</i> Проблеми археологічного дослідження допоміжних ремесел черняхівської культури (вапнярство, вуглярство, дігтярство)	20-24
<i>Воронцов О.М.</i> Горизонт періода черняховського впливу на пам'ятниках мощинської культури	24-28
<i>Гавритухин И.О.</i> Поздне- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике»	28-32
<i>Гопкало О.В.</i> Хронология мужских погребений черняховской Культуры	32-36
<i>Гудкова О.В.</i> Защитная магия в ингумациях черняховского могильника Нагорное-II	36-40
<i>Казанский М.М.</i> О постчерняховском горизонте на территории черняховской культуры	41-45
<i>Любичев М.В.</i> Сарматские элементы на могильниках черняховской культуры днепро-донецкой лесостепи	45-48
<i>Магомедов Б.В., Діденко С.В.</i> Дослідження черняхівського могильника у с. Легедзене на Черкащині протягом 2008-2009 рр.	48-49
<i>Мастикова А.В.</i> Женский черняховский костюм с двухпластинчатыми фибулами	50-52
<i>Милашевський О.С.</i> Ліпна кераміка північно-західної традиції з ранніх пам'яток черняхівської культури	53-54

<i>Милян Т.Р., Осаульчук О.М.</i> Водозабезпечення поселення Йосипівка-3 у верхів'ях Західного Бугу	54-56
<i>Мызгин К.В.</i> К проблеме источников поступления римских монет к носителям черняховской культуры	56-61
<i>Обломский А.М.</i> Этнокультурные компоненты населения поселка гуннского времени в Танаисе	61-66
<i>Радюш О.О.</i> Поселение и могильник у поселка им. Карла Либкнехта (Пены) и памятники поздне римского времени в среднем течении Курского Посемья	66-70
<i>Румянцева О.С.</i> Свидетельства стеклоделия в черноморском регионе и на Днестре в свете новых данных	71-75
<i>Строценъ Б.С.</i> Черняхівська культура Західного Поділля	75-79
<i>Терпиловський Р.В.</i> Дослідження нових пам'яток черняхівської культури у межиріччі Удаю і Сули	79-83
<i>Тилищак В.С.</i> Липна кераміка Чернелево-Руського черняхівського могильника	83-85
<i>Шишкін Р.Г., Петраускас О.В.</i> Дослідження могильника черняхівської культури „Червоне-2”	85-87
<i>Шульце Ердмуте</i> Матеріали к изучению черняховского костюма из могильника Нагорное-2	87-91

МАТЕРІАЛИ ДО ДИСКУСІЇ

<i>Гавритухин И.О.</i> Фаза „D” и черняховская культура	91-93
---	-------

РИСУНКИ

Н. М. КРАВЧЕНКО – ДОСЛІДНИЦЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Коло наукових зацікавлень Н. М. Кравченко – дослідження проблеми походження слов'ян, пов'язане з вивченням археологічних культур I тис. н. е. і, зокрема черняхівської культури, визначилося ще в студентські роки.

З 1961 р. Н. М. Кравченко під керівництвом В. П. Петрова почала дослідження Косанівського могильника. Його матеріали склали джерельну базу її кандидатської дисертації “Косановский могильник как источник для изучения истории населения Побужья в первой половине I тыс. н. э.” (1967). У роботі вперше у вітчизняній археології з метою виділення об'єктивних критеріїв для аналізу давньої кераміки були використані методи математичної статистики. Багато розробок, започаткованих в дисертації, стали основою майбутніх досліджень. Це, зокрема, все коло проблем, пов'язаних з систематизацією поховань та історико-соціальними реконструкціями за матеріалами поховального обряду. Основні принципи і розроблена Н. М. Кравченко методика аналізу поховань була опублікована у статті «К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках” (1970).

Роботою, що підбила підсумки багаторічного вивчення черняхівських некрополів, для Н. М. Кравченко стала монографія “Погребальные обряды черняховской культуры” (1983), підготовлена у співавторстві з Е. О. Симоновичем. У цій монографії у завершеному вигляді наведено типологію тілоспалень черняхівської культури, а також систематизовано особливості поховань за обрядом кремації на черняхівських могильниках і виділені окремі групи могильників, які характеризуються специфічним сполученням типів тілоспалення. Проведене дослідження дозволило дійти висновку, що обряд тілоспалення є невід'ємною частиною черняхівського

поховального обряду впродовж всього часу існування культури. Для черняхівських могильників характерно різноманіття типів тілоспалення, особливості яких дозволяють виділити принаймні три основи його формування – пшеворську, зарубинецьку, гето-дакійську.

Проблемі історико-соціальних реконструкцій на матеріалах поховальних пам'яток присвячена стаття Н. М. Кравченко «О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры» (1987). Дослідниця доводила, що соціологічна інформативність черняхівських поховань може бути розкрита лише на основі порівняльного аналізу певної сукупності поховань за однією або кількома ознаками, у яких припускається відображення соціальних характеристик. Мова, отже, йде про співвідношення ознак або властивостей і виявлення соціальної природи цих зв'язків при їх зіставленні. Цей підхід передбачає аналіз масового матеріалу, а отже використання статистичних методів.

До ознак, у яких можна передбачати відображення соціальних відмінностей Н. М. Кравченко відносила спосіб поховання, поховальні споруди і облаштування могил, що включало різні функціональні групи інвентарю. Все це відображає індивідуальну характеристику кожного поховання, у якій, як можна припустити, втілений соціальний аспект. Таким чином, за схожістю індивідуальних характеристик (або їх відмінністю) можна виділити поховання, пов'язані між собою однаковим або близьким положенням в соціальній ієрархії.

Для кожної обрядової групи, як вважала Н. М. Кравченко, була прийнята своя оптимальна норма інвентарю, свій максимум і мінімум, який цілком залежав від вимог до дотримання обряду тією чи іншою соціальною групою. Застосування нової методики, дозволило дослідниці виділити археолого-соціологічні типи поховань, які доводять існування соціальної диференціації у черняхівських общинах.

Висновки про складні діалектні процеси взаємопроникнення черняхівської і київської культур містяться у статті Н. М. Кравченко «Черняхівське поселення Обухів та його київське оточення» (1994). Високий технологічний рівень, орієнтація на передову технологію і організацію

виробництва, а також надетнічний характер черняхівської культури, на думку Н. М. Кравченко, дозволяють розглядати її як своєрідну цивілізацію. Комплекси, як вважала дослідниця, синхронних черняхівських і київських пам'яток в Обухівській територіальній групі демонструють наявність двох культур в одному соціумі, що добре відомо в культурології.

Цей висновок був покладений в основу концепції історичної реконструкції давніх суспільств за археологічними матеріалами. В основу її покладено метод історико-археологічних аналогій, як назвала його Н. М. Кравченко. Метою дослідження були пошуки археологічних відповідників етно-історичним спільностям, зафіксованим у писемних джерелах, насамперед, антам.

Найбільш повний виклад цієї концепції міститься у роботі «Анти - на зламі віків. Ранньоантський період у світлі історико - археологічних аналогій» (2001). На думку Н. М. Кравченко, антам раннього періоду (антам Йордана) відповідає середньодніпровський варіант черняхівської культури Її місцевим субстратом є київська культура (спорів/спалів), у яку інтегровані виразні сарматські елементи, представлені найбільш престижними похованнями на черняхівських могильниках (можливо, росомонів), а також сарматською символікою влади і власності, про що свідчать петрогліфи Обухівського каменя. Наявність північно-західних елементів у середньодніпровських черняхівських пам'ятках Н. М. Кравченко вважала свідомством етнічної присутності венедів і готів.

Згідно авторської гіпотези Антський союз племен формується у Середньому Подніпров'ї як ранньодержавне утворення ("царство Божа"), якому може відповідати лише черняхівська культура. Її наступниця у цьому регіоні пеньківська культура, що розглядається за історико - археологічними аналогіями як культура «достовірно антська», відповідає другому, пізньому етапу історії та етно-історичного розвитку антів, що характеризується їх дезінтеграцією в умовах "великого розселення слов'ян" і війн на кордонах Візантії. Отже, Н. М. Кравченко пов'язала трансформацію культур не з

етнічними змінами, а зі зміною епох та економічних зв'язків з цивілізаційними центрами, коли замість Риму на другому етапі виступає Візантія.

Дослідження черняхівської культури Н. М. Кравченко почала з окремої пам'ятки - Косанівського могильника і завершила реконструкцією Антського союзу племен за археологічними матеріалами. Положення і висновки проведених Н. М. Кравченко досліджень, як і розроблені нею нові методики вивчення окремих категорій матеріалів черняхівської культури і започатковані теоретико-методологічні засади у осмисленні історичного процесу, стали основою для подальших наукових досліджень.

Акимов Д.В.

(Воронеж, Россия)

ЧЕРНЯХОВСКАЯ МИГРАЦИЯ В РАЙОН БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО ДОНА В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ¹

Черняховская культура представляет собой крупнейшую и наиболее развитую этнокультурную общность Восточной Европы эпохи Великого переселения народов. Ее влияние, отдельные элементы и даже целые культурные комплексы распространяются в позднееримское и раннегуннское время далеко за пределы собственно черняховского ареала. Одним из таких примеров могут стать археологические памятники в бассейне верхнего течения реки Дон. Его территория охватывает современные север Воронежской, всю Липецкую и юг Тамбовской и Тульской областей.

Сегодня верхнедонские древности эпохи Великого переселения разделяются на две культурно-хронологические группы (Обломский, 1999). Одна из них – типа Каширки-Седелок – относится к середине III – началу IV вв. (не исключая середины и, даже, конца столетия). Другая, к которой причислены памятники круга Чертовицкого-Замятино, датируется сегодня в пределах конца

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по проекту 10-01-56103а/Ц «Этапы и структура заселения территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов».

IV – рубежа V/VI вв. Население, оставившее и ту, и другую группы, было связано с племенами-носителями черняховской культуры, влияние которых ощущается практически во всех сферах материальной культуры. В настоящей работе рассматривается только верхнедонская группа памятников гуннского времени.

1. Постройки. На поселениях круга Чертовицкого-Замятино известны постройки двух типов: полуземлянки и наземные. Первые абсолютно преобладают, вторые единичны. Как известно, сочетание наземных и углубленных жилищ нередко встречается в черняховской культуре. Среди полуземлянок раскопаны строения с четырехугольным котлованом, интерьер которого бывает усложнен материковыми полками, пристенками, а также вписанными в его контур ямами. Имеются и сооружения с глинобитными печами (Рис. 1: 1,2). Подобные объекты встречаются повсеместно в черняхове, особенно распространены в Поднестровье и на Среднем Днепре (Магомедов, 2001, С. 22). Наземные сооружения имеют прямые аналогии на памятниках черняховской культуры.

2. Керамика. В бассейне Верхнего Дона подавляющую часть керамического комплекса составляют лепные горшки различных форм и размеров. Наиболее распространенным является тип округлобокого сильнопрофилированного сосуда с плавно отогнутой наружу шейкой (Рис. 1: 4-6). Подобные формы весьма характерны для ряда регионов черняховской общности, в особенности тех, где в домостроительстве преобладают полуземлянки. Там же нередко встречаются лепные конические миски на поддоне (Баран, 1981, Табл.Х), аналогичные верхнедонским (Рис. 1: 9). Некоторые типы верхнедонской лепной керамики (например, с прямым, резко отогнутым наружу горлом) (Рис. 1: 7,8) находят близкие прототипы в черняховском Северном Причерноморье (Магомедов, 2001, С. 58). Что касается гончарной посуды, то ее на донских поселениях гуннского времени обнаружено крайне мало, однако весьма значительная часть находок принадлежит столовой сероглиняной керамике черняховского производства.

3. Вещевой комплекс. Коллекция вещевых находок на донских памятниках представлена орудиями труда, бытовыми предметами, а также украшениями и предметами личного убора. Из нее для нашей темы наиболее интересны граненые и канеллированные пряслица черняховских типов (Рис. 1: 16-18), глиняные грузила для ткацкого станка конической и пирамидальной формы (Рис. 1: 15), костяные грёбни (Рис. 1: 13 и 14) а также фибулы (Рис. 1: 11,12). Часть перечисленных вещей изготавливалась на месте, что исключает их импорт и подтверждает непосредственное присутствие ремесленников, переселившихся из ареала распространения черняховской культуры.

Таким образом, целый ряд свидетельств демонстрирует присутствие «черняховцев» среди населения, мигрировавшего на Дон в конце IV – V вв. н.э. Тем не менее, оценить их вклад в формирование древностей круга Чертовицкого-Замятино в настоящий момент затруднительно, поскольку многие из перечисленных элементов могли быть занесены и представителями племен киевской культуры периода черняховского влияния (грузила, пряслица, керамика, фибулы). Следует добавить, что именно эти последние составили основу мигрантов, заселивших территорию Верхнего Подонья в гуннский период.

Исходный регион миграции «черняховцев» на Дон определить тоже сложно. Целый ряд признаков указывает на Верхнее и Среднее Поднестровье, Днепровское Левобережье, Северное Причерноморье. К ним относятся, к примеру, некоторые формы лепных горшков и мисок, отдельные типы углубленных и наземные постройки (Острая Лука Дона, 2004, С. 150, 153-155). Кроме того, при раскопках северо-западной линии укреплений одного из эталонных для рассматриваемого круга памятников III-го Чертовицкого городища на валу была обнаружена двухкамерная постройка на каменном основании, отапливавшаяся глинобитной печью (Рис. 1: 2) (Медведев, 1998, С.50-51). Особенности конструкции этого сооружения находят прямые аналогии среди остатков укреплений нижнеднепровского городища Башмачка (Смиленко, Мизин, 1979, С. 49-51, Рис. 1:1).

Проблематично установить и этническое происхождение черняховских мигрантов, поскольку сама культура в пору своего расцвета отличается значительной миксацией разноэтнических элементов. Тем не менее, на Верхнем Дону отнюдь не исключено присутствие германцев, на что указывает наличие наземных домов, а также некоторые формы лощеной керамики вельбарского типа (Рис. 1: 10). Кроме них, фиксируются представители позднеантичного населения, среди которых, вероятно, могли быть ремесленники высокой квалификации – гончары, строители, мастера по изготовлению украшений из кости и металлов, оружейники. Кроме этого, учитывая тот факт, что в верхнедонском регионе черняховские компоненты перемешаны с киевскими и нигде не составляют отдельных комплексов, на мой взгляд, напрашивается вывод о наличии значительной славянской составляющей в среде черняховских мигрантов.

Как бы то ни было, судя по приведенным археологическим материалам, на рубеже Древности и Средневековья основной поток мигрантов на Верхний Дон с запада (юго-запада) составляли племена, которые большинство современных исследователей признают раннеславянскими. Вероятно, это была вторая (после носителей древностей типа Каширки-Седелок) массовая волна славянской миграции в Подонье во 2-й четверти – середине I тыс. С чем она могла быть связана? Согласно письменной традиции, около середины IV в. королем остроготов становится Германарих (Щукин, 2005, С. 207). Для укрепления своего могущества он предпринимает ряд походов, один из которых был направлен против венедов (Иордан, Гетика, 119). С этими венедами некоторые исследователи соотносят носителей, прежде всего, среднеднепровского и восточнолевобережного вариантов киевской культуры (Терпиловский, 2004, С. 94). Последствием (а может, и важной составной частью) этих событий, очевидно, и могла стать массовая миграция киевских племен на Дон и проникновение сюда вслед за ними черняховских (в том числе германских) элементов во 2-й половине IV в.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. - К.- 1981.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin.- 2001.
- Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й по пвины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. – Воронеж.- 1998. - С. 42-84.
- Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднееримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов науч. конференции. – Липець. - 1999. - С. 127-134.
- Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. - М. - 2004.
- Смиленко А.Т., Мизин В.А. Городище черняховской культуры // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). – К.- 1979. - С. 48-66.
- Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. – Lublin. - 2004.
- Щукин М.Б. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). – СПб.- 2005.

ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. 1. Материалы памятников Верхнего Подонья, имеющие черняховские прототипы. 1-4,8,17 – III Чертовицкое; 5 – Крутогорье; 6,7,15,16,18 – Староживотинное 3; 9,10,13,14 – Замятино 8; 11 – Малый Липяг; 12 – Замятино 7.

I – границы ям; II – обожженная глина; III – зола, угли; IV – камни.
Керамика: 3-9 – лепная; 10 – лощеная. Вещи: 11,12 – железо, бронза; 13,14 – рог; 15-18 – глина.

Баран В.Д.
(Київ, Україна)

ПОСЕЛЕННЯ В ТЕРЕМЦЯХ І ПРОБЛЕМА ФОРМУВАННЯ СЛОВ'ЯНСЬКИХ РАННЬОСЕРЕДНЬОВІЧНИХ КУЛЬТУР

Поселення у с. Теремці виникло у IV ст., можливо у кінці III – на початку IV ст. н. е. та проіснувало до VI ст. Знайдена на долівці напівземлянкового житла № 14 бронзова трьохпальчата фібула V ст. н. е. у поєднанні з керамічними комплексами, характерними для цього часу, є незаперечним свідченням того, що життя на поселенні у гунський період не припинялося.

З цього випливає, що черняхівське поселення в Теремцях, котре виникло у римський період як супутник відомої провінційно-римської факторії в Комарові, що знаходиться навпроти, на віддалі 4 км на правому березі Дністра, переживає її більше, ніж на століття, і завершує своє існування в ранньому середньовіччі - вже у період празько-корчацької культури.

Отже, судячи за характером жител і керамічних комплексів, це перехідна слов'янська пам'ятка від багатоетнічної черняхівської до празько-корчацької культури – від венедів до склавинів та антів, матеріальна культура яких набирає своїх власних рис, притаманних слов'янським поселенням цього часу. У цьому своєрідність та непересічна наукова цінність поселення у Теремцях.

Як відомо, у V ст. н. е. відбувається зміна археологічних культур у багатьох регіонах Південно-Східної Європи, у тому числі й на території України. Тут вона викликана навалюю гунів і наступним розпадом Римської імперії, який мав епохальне значення для народів Європи.

На території Південно-Східної Європи припиняють своє існування поселення черняхівської, київської та інших синхронних їм культур. На їхньому місці виникають слов'янські ранньосередньовічні культури. Лише окремі слов'янські поселення пізньоримського часу продовжують своє існування у V ст., тобто у середині I тис. н. е. До них відноситься і Теремцівське поселення на Середньому Дністрі.

Найдавніші празько-корчацькі, пеньківські і колочинські пам'ятки з'являються у середині – другій половині V ст. До того ж, і це дуже важливо, вони виникають водночас у всіх трьох культурах на території від верхів'я Пруту на півдні, до Псла і Десни на півночі. Установлено, що й попередні культури на території Східної Європи – київська (Улянівка, Роїще), черняхівська (Теремці, Сокіл, Ріпнів II, Черепин) доживають до першої половини V ст., а частина жител на Теремцівському поселенні існувала і в VI ст.

З відкриттям пам'яток V ст., типологічно зв'язаних, з одного боку, із старожитностями київської та слов'янської частини черняхівської культури, а з іншого, - із слов'янськими ранньосередньовічними культурами, остаточно

спростовано концепцію «хіатусу» на території Південно-Східної Європи в середині I тис. н. е. Ми отримали ту середню ланку, якої бракувало в ланцюгу культурного розвитку слов'янського населення I тис. н. е.

Порівняльне вивчення старожитностей свідчить про те, що у слов'янських ранньосередньовічних культурах інтегруються елементи культур римського часу. Проте їх участь у формуванні кожної з них неоднакова. Київська культура має безпосереднє відношення до формування колочинської і частково іменьківської груп ранньосередньовічних пам'яток; черняхівська культура знаходиться в підоснові празько-корчацьких, а пам'ятки типу Хлопкова – пеньківських старожитностей. Слов'янський компонент пшеворської культури дає дзедзіцьку групу. Але це – ланки одного історичного процесу на території Південно-Східної і Центральної Європи, що починається у першій половині I тис. н. е. та закінчується у VI – VII ст.

З цього випливає ще один принциповий висновок – про наявність у складі пшеворської і черняхівської культур, поряд з іншими етнічними групами, слов'янського населення. Що стосується черняхівської культури, то нові матеріали з поселень у Зеленому Гаї, Теремцях, Соколі, Рашкові III та ін. дозволили позитивно вирішити це питання, яке ми розробляли протягом багатьох років. Широко досліджене поселення в Теремцях безперечно відноситься до тієї групи черняхівських пам'яток, яка належала слов'янському населенню. У римський час воно було включене, як і інші етнічні групи Південно-Східної і Центральної Європи, до загальної моделі, створеної під впливом провінційно-римської культури. У III – IV ст. н. е. східні групи слов'ян знаходилися у складному становищі і в політичному відношенні, особливо після появи готів у Північному Причорномор'ї та створення ними крупного воєнно-політичного союзу під керівництвом готських вождів. Однак після їх розгрому гунами у Східній Європі склалися нові політичні умови, і слов'яни виступили проти гегемонії готів. Почалися слов'янсько-готські війни. Ці війни проходили з перемінним успіхом. Інколи закінчувалися поразками. Але в результаті слов'яни зайняли Подунав'я і частину Балкан. Основною силою, яка протистояла готам та іншим германським групам, було антсько-слов'янське

населення, котре у пізньоримський час входило до складу дніпро-дністровської групи черняхівської, а в ранньому середньовіччі – прасько-корчацької та пенківської культур. Слов'янське населення Верхнього Подніпров'я та інші етнічні групи, якщо й брали участь у цих війнах, то відіграли лише допоміжну роль.

Інтеграція, консолідація та самоутвердження груп антів і склавинів призвели до утворення могутніх слов'янських військово-політичних союзів, які зайняли місце готського об'єднання в Південно-Східній Європі.

У світлі вивчення археологічних пам'яток на Дністрі, Південному Бузі й верхів'ях Пруту, датованих фібулами IV – V ст., розгром готів гунами та наступні гото-слов'янські війни можна вважати початком виникнення нової етнокультурної соціально-економічної та політичної спільноти, в якій провідне місце зайняли слов'яни.

Таким чином, заповнивши лакуну в археологічних дослідженнях, вдалося створити досить виразну хронологічну схему послідовного розвитку всіх археологічних культур I тис. н. е. на території України. В результаті виявлено й висвітлено ті основні тенденції розвитку матеріальної культури корінного населення Південно-Східної Європи, які зароджуються на рубежі та в перших століттях I тис. н. е., і через зубрицьку (волино-подільську) культуру і пізньозарубинецьку групу доходять двома лініями до черняхівської та київської культур. У наступному періоді вони знаходять своє продовження у слов'янських ранньосередньовічних пам'ятках. Немає сумніву в тому, що ядро населення межиріччя Верхнього і Середнього Дніпра і верхів'я Вісли вже в першій половині I тис. н. е. становили слов'яни-венеди. Саме тут на рубежі IV – V ст. виникли слов'янські селища склавинів та антів, що відкривають вже нову середньовічну сторінку в історії тієї частини східних слов'ян, які стали безпосередніми предками українського народу.

НОВІ ДОСЛІДЖЕННЯ ЧЕРНЯХІВСЬКИХ ПАМ'ЯТОК НА ПІВДНІ СЕРЕДНЬОГО ПОДНІПРОВ'Я

У 2003-2004 рр. було розпочато дослідження багат шарового поселення Дмитрівка III розташованого на стариці р. Псел, неподалік від впадіння його в Дніпро, яке було продовжено у 2007 - 2009 рр. За цей час досліджено біля 700 м². Поселення знаходиться на мису, утвореному вищезгаданою старицею у широкій Дніпро-Псельській заплаві. Проаналізувавши перекриття об'єктів та стратиграфію поселення, на ньому виділено два будівельних шари пізньоримського часу. До верхнього належать чотири наземні будівлі, парне кам'яне вогнище та залишки зернової ями. Нижній горизонт представлений трьома заглибленими будівлями, одна з яких мала піч-комин, третій з виявлених на черняхівських пам'ятках (Вінокур, 1972, С. 19; Баран, 1981, С. 29), та дві зернові ями грушовидної форми.

Особливо цікавими є наземні будівлі I та VII верхнього шару. Перша представляла собою завал горілої глини розмірами приблизно 3,2 x 2,3 м. Під завалом, біля південно-східного кута, було знайдено скелет дитини. Ніяких ознак поховання не виявлено. Швидше за все дитина загинула під завалом стіни. У південній частині було виявлено вогнище, викладене з каміння, ніякі інші матеріали у субконструкції не використовувались. Будівля ж VII мала щось на зразок кам'яного фундаменту. Він складався з каміння дрібного та середнього розміру, залишків скріплюючих розчинів не виявлено. З розвалу каміння більш менш чітко виділяються залишки фундаменту довжиною приблизно 2,6 м орієнтована південний захід – північний схід, та перпендикулярні до неї залишки кам'яної викладки довжиною 2,2 м. Можливо, що будівля була орієнтована кутами по сторонах світу. Подібні фундаменти зустрічаються на півдні України в межах пам'яток пов'язаних з

пізньоскифською традицією (Высотская, 1994, С. 17–33). Цим висновкам не суперечать і знахідки відповідної ліпної кераміки.

Загалом отримано досить значну колекцію матеріалів черняхівської культури. Найбільшу частку традиційно складає гончарна кераміка - не менше 80 %. Серед кераміки зустрічаються римські імпорти. До них відносяться фрагменти двох мисок, одна з яких червонолакова. Значний відсоток складає амфорна тара. Більшість її датується в межах IV ст. Найчисельнішу групу ліпної кераміки складають матеріали які можна пов'язати з пізньоскифо-сарматськими матеріалами півдня України (Рис. 1: 11-12). Також знайдено кераміку яку можна пов'язати з германськими племенами (Рис.1: 10). Однак, слід зазначити, що якщо кераміка з пізньоскифо-сарматською традицією відноситься до обох будівельних шарів, то вельбарська - тільки до верхнього.

В розкопі V розташованому на східній околиці поселення знайдено два скупчення розвалів кераміки що перекривали невелику заглиблену господарчу будівлю черняхівської культури, що дозволяє її віднести їх до другого шару. Після реставрації отримано шість цілих та чотири придатних до можливої реконструкції форм. Їх набір є надзвичайно цікавим. Більшість з них мають аналогії серед матеріалів фіналу київської культури Подесення на пам'ятках типу Хлопків (Рис.1: 13-20). На даний момент це найбільш південні знахідки матеріалів передслов'янського часу. Кілька форм швидше за все мають аналогії серед вельбарських старожитностей (Рис.1: 21-22). Окремо стоїть біконічний горщик середнього розміру з рустованою поверхнею. Він має досить характерну для київської культури форму, однак обробка його зовнішньої поверхні і формування денця більш характерна для вельбарської культури (Рис.1: 14). Загалом комплекс є досить цікавим, оскільки в ньому представлено майже весь спектр побутового посуду - від корчаги до невеликих, можливо столових, горщиків.

Верхній будівельний шар датується за амфорним матеріалом, фібулами та уламком дзеркала типу Карпівка – серединою - третьою чвертю IV – початком V ст. (Рис. 1: 3-9) В завалі згорілої наземної будівлі X, під залишками обмазки даху, було знайдено вістря гунської стріли типу 3в за Засецькою (Рис.1: 2). Такі

стріли мають досить широке датування - з IV по VII ст. (Засецкая, 1994, С. 37 – 39, Рис. 4). Однак на наших землях вони з'являються скоріше починаючи з V ст. Таким чином, можна стверджувати, що поселення загинуло під час гунських походів, найвірогідніше в межах першої половини V ст. На користь того що поселення загинуло під час нападу може свідчити те, що всі об'єкти пов'язані з верхнім шаром мають сліди пожежі. Додатковими фактами можна вважати знахідку скелета дитини 2 – 3 років під завалом наземної будівлі I та знахідку за межами поселення вістря спису (Рис.1: 1). При ретельному огляді помітно, що його зігнуто від удару, після чого він імовірно і був загублений. Датування нижнього є більш проблемним. За амфорною тарою він також вкладається в межі першої половини IV ст. Зокрема, було знайдено фрагмент ніжки амфори який за визначенням С.В. Діденка датується 320 – 340 рр.

Поселення Дмитрівка III є одним з десяти місць знахідок черняхівських матеріалів біля села Дмитрівка. Вздовж стариць Псла на протязі 3-4 км знайдено 8 поселень та два невеликих скупчення (швидше за все окремі будівлі). На жаль, всі інші пункти відомі лише за розвідками і важко встановити чи існували вони одночасно.

Стационарні дослідження регіону тільки почались і тому всі висновки можуть носити характер попередніх. Однак деякі моменти стають зрозумілими вже на даному етапі. По-перше, це те, що цей регіон почав заселятись досить рано, а саме наприкінці III – початку IV ст. На користь цього свідчать матеріали могильника Компанійці, можливо нижнього шару поселення Дмитрівка III та поселення Барбара I. До того ж заселення відбувалось поліетнічним населенням, яке і виступало носієм черняхівської культури.

По-друге, фіксуються досить значні торговельні зв'язки з півднем, на що вказують знахідки великої кількості уламків амфорної тари, знахідки римських монет, фрагментів скляного посуду та червонолакової миски на поселенні Дмитрівка III (верхній шар).

По-третє, з географічної точки зору зараз ця територія знаходиться на кордоні між лісостепом та степом. В пізньоримський час, швидше за все, він проходив дещо північніше, однак не надто далеко, що робило цю територію

контактною зоною. Також, дуже важливим був контроль над річищами Дніпра та Псла. Цілком можливо, що саме через басейн Псла з одного боку відбувалось просування черняхівської культури на Лівобережжя Дніпра, а з іншого проходили торгові маршрути.

Для остаточних висновків на даний момент звісно не вистачає розкопаних пам'яток і такі висновки є швидше гіпотезою. Але навіть зараз зрозуміло, що дослідження цього мікрорегіону є дуже важливим для з'ясування процесів формування черняхівської культури, що відбувались на Дніпровському Лівобережжі України в пізньоримський час.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Баран В.Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу – К. - 1981.
- Вінокур І.С. Історія та культура черняхівських племен. - К. - 1972.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. – К.- 1994.
- Засецкая И.П. Культура кочевников в южнорусских степях в гуннскую эпоху (конец IV - V вв.). - СПб. - 1994.

ПІДПИС ПІД РИСУНКОМ

1,2,4 – залізо, 3 – срібло (?), 5 – 9 – бронза, 10 -22 глина

Варачёва К.Г.
(Харків, Україна)

МЕСТО СТЕКЛЯННЫХ И ГЛИНЯНЫХ КУБКОВ В «СЕРВИЗЕ» ПОГРЕБЕНИЙ НА МОГИЛЬНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Среди черняховской столовой керамики своеобразную группу составляет так называемая «элитная» посуда. В нее включены кубки, либо выполняющие эту функцию горшки и миски малых размеров. Предполагается, что появление в инвентаре некоторых погребений данной группы посуды наряду со стеклянной связано с влиянием античных обычаев употребления вина в

определенных церемониалах (Магомедов, 1999, С.54-55). Глиняные и стеклянные кубки наряду с сосудами других типов стали составляющими этих «сервизов» в погребениях на черняховских могильниках.

Считается, что стеклянные сосуды, производимые в провинциях Римской империи, были весьма дорогим товаром и наличие таких сосудов (кубков, чаш) среди инвентаря погребения свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного (Магомедов, 1999, С.55). Местные гончары изготавливали глиняные копии стеклянных сосудов (Рис.1), которые встречаются достаточно редко (погребения №№ 139, 164 могильника Компанийцы) (Некрасова, 2006, Рис. 16:14; 19:7). В подавляющем большинстве случаев в глиняных кубках мастера имитировали только форму стеклянного сосуда, украшая поверхность «геометрическим» и «растительным» орнаментом.

Пока не создано работ, специально посвященных определению места глиняных и стеклянных кубков в погребальном «сервизе» черняховских могильников. Наша работа является первой попыткой заполнить эту «лакуну». Состояние базы источников для исследования этого вопроса в регионе характеризуется наличием глиняных кубков в 48 погребениях (28 ингумаций и 20 кремаций). Нами выработана типология глиняных кубков, согласно которой все они сведены в шесть типов: тип I - полусферической формы: Войтенки, 54, 55 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2008), 96, 99, 101,107,111 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); Жовнино / Носенки, 18 (Рутковская, 1979); Кантемировка, курган 1 (Schultze, 2007; Бобровская, 2000, Рис.4.3.2.27); Соснова, 245 (Махно, Сикорский, 1989; Гопкало, 2008, Рис.8); тип II - полусферической усеченной формы: Компанийцы, 122 (Некрасова, 2006); Сумы / Сад, 10 (Schultze, 2009; Гопкало, 2008, Рис. 15); тип III - конической формы: Успенка, 1308 (Некрасова, 2006); тип IV - конической усеченной / цилиндрической формы: Воскресеновское, 2 (Сообщение Р. В. Терпиловского); Родной Край, 14 (Петренко, 1991) с вариантом IVa - усеченной конической формы: Войтенки, 42 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2007); Компанийцы, 122 (Некрасова, 2006); тип V - округлобокой формы: Воронинцы, 1 (Мокляк, 1998); Войтенки, 58, 66 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2008); тип VI - биконической формы: Войтенки,

41 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2007); Переяслав-Хмельницкий, 5 (Гончаров, Махно, 1957).

Стеклянные сосуды (кубки и чаши) представлены одиннадцатью экземплярами различных типов в таких комплексах как: Сумы- Сад, 1, 3 (Некрасова, 1985); Войтенки, 86, 96, 101, 102 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2009, 2010); Жовнино- Биленковы Бурты, 1/1961 (Рутковская, 1979; Петраускас, Цындровская, 2002); Компанийцы, 124 (Некрасова, 2006); Переяслав-Хмельницкий, 2, 5 (Гончаров, Махно, 1957; Магомедов, 2001, Рис. 65:3).

Изучение погребальных «сервизов», включавших глиняные и стеклянные кубки, показало, что в их состав обязательно входили трехручная ваза (или заменяющая ее миска большого объема), более 3 мисок закрытого профиля, не менее 2 мисок открытого профиля, не менее 3 горшков различных форм и несколько кувшинов (одно-, двухручный), иногда сервиз дополнялся графином - Войтенки, 86, 96, 101 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2009; Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); Сумы- Сад, 1, 3 (Некрасова, 1985); Переяслав – Хмельницкий, 2 (Гончаров, Махно, 1957). В отдельных случаях в состав «сервиза» со стеклянным кубком входил еще один стеклянный или глиняный кубок - Войтенки, 96, 101, 102 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); Переяслав-Хмельницкий, 5 (Гончаров, Махно, 1957).

В состав «сервизов», включавших в себя глиняные кубки также обязательно входили трехручная ваза (или же миска-ваза), одно- и двухручный кувшин, 3-5 мисок закрытого профиля, 1-3 миски открытого профиля и 3-6 горшков - Войтенки, 41 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2007), 96, 101, 111 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); Сумы- Сад, 10 (Schultze, 2009); Соснова, 245 (Махно, Сикорский, 1989; Гопкало, 2008, Рис.8); Успенка, 1308 (Некрасова, 2006). В некоторых случаях этот «сервиз» дополняется вторым глиняным кубком - Компанийцы, 122 (Некрасова, 2008); Войтенки, 54 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2008), 96, 101, 107 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); Воронинцы, 1 (Мокляк, 1998). В некоторых погребениях «сервиз» представлен минимальным количеством сосудов в таких сочетаниях как: кувшин и глиняный кубок - Войтенки, 107 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); кувшин, миска и глиняный

кубок - могильник Воскресенское, 2 (сообщение Р. В. Терпиловского). Встречаются керамические «сервизы», в которых представлены все сосуды, но в одном экземпляре - Войтенки, 54 (Любичев, Мызгин, Варачёва, 2010); Кантемировка, курган 1, (Schultze, 2007; Бобровская, 2000, Рис.4.3.2.27).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобровская О.В. Бусы и подвески в уборе населения черняховской культуры. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (рукопись). – К. - 2000.

Гончаров В. К., Махно Е. В. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. - 1957. - Т. II.

Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры.- К. - 2008.

Любичев М. В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. - Харьков. - 2000.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2006 году. – Харьков. - 2007. - НА ИА НАНУ.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2007 году. – Харьков. - 2008. - НА ИА НАНУ.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008 году. – Харьков. - 2009. - НА ИА НАНУ.

Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2009 году. – Харьков. - 2010. - НА ИА НАНУ.

Магомедов Б. В. Обычай ритуальных пиров у племен черняховской культуры и его отражение в погребальном обряде // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков. - 1999.

Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin. - 2001.

Махно Е. В., Сикорский М. И. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на Левобережья Днестра // КВ. - 1989. - Т. II.

Мокляк В. О. Поховання черняхівської культури в с. Воронинці Оржицького району // АЛЛУ. - 1998. - № 1 – 2.

Некрасова Г.М. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. - 1985. - № 50.

Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. – К.- 2006.

Петраускас О.В., Цыңдровская Л.А. Находки черняховской культуры вблизи с. Жовнино (коллекция фондов Института археологии, г. Киев). К. - 2002.

Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юга – Востока. – Воронеж. - 1991.

Рутковская Л. М. Археологические памятники IV – V вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // SA. - 1979. - Т. XXVII / 2.

Schultze E. Gefäßbeigaben in Kindergräbern der Černjachov-Kultur – zu einem Grab aus Sumy-Sad (Ostukraine) // Ostrogothica. – Харьков. - 2009.

Schultze E. Geschirrssets und Bestattungssitten zu den frühvölkerwanderungszeitlichen Gräbern von Kantemirovka // Zweiundvierzig: Festschrift für Michael Gebühr zum 65 Geburtstag – Leidorf. – 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України (Полтава)

НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины

KW – Kultura Wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim (Lublin)

SA – Slowenska archaeologia (Bratislava)

ПОДПИСИ ПОД РИСУНКОМ

Рис. 1. Глиняные кубки из могильника Компанийцы: погребение 164 (2), погребение 139 (4) и их стеклянные прообразы (1, 3).

Войнаровський В.М.

(Львів, Україна)

ПРОБЛЕМИ АРХЕОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ДОПОМІЖНИХ РЕМЕСЛ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ (ВАПНЯРСТВО, ВУГЛЯРСТВО, ДІГТЯРСТВО)

Через недостатній рівень дослідження черняхівських поселень, насамперед їх господарсько-виробничої периферії та сировинної округи, економіка черняхівських племен є чи не найменш дослідженим питанням.

Важливою складовою черняхівської господарки були допоміжні виробництва з продукування інгредієнтів виробничих розчинів чи сировини для

подальшого виробництва іншого продукту – вапнярство, вуглярство, дигтярство. Вапно, деревне вугілля, дьоготь найбільше були затребувані в спеціалізованих професійних виробництвах черняхівської культури – чинбарстві, металургії та ковальстві, склоробці, а також в домашньому господарстві. Черняхівське чинбарство – в масі уже спеціалізоване ремесло (вичинені шкіри домінують в експорті з черняхівських земель, існують високотоварні спеціалізовані чинбарські осередки IV ст. Добринівці-I на Буковині та Гряди-I поблизу Львова). Вапнування шкіри для видалення волосу та шерсті, її знежирення гіпсом та крейдою, віксування дьогтем (для водовідпирності) під час масового виробництва шкір на чинбарських осередках потребували десятки й сотні кілограмів вапна й дьогтю. Трохи менше вапна вимагало флюсування рудної шихти в агломераційних та сиродутних процесах залізобудування. Чинбарство (випал вапняку перед його гашенням), металургія та металообробка, гончарство й склоробка вимагали також значної кількості деревного вугілля. Співвідносними були домашні затрати вапна та дьогтю.

Увесь процес виготовлення вапна, вугілля та дьогтю є досить тривалим, багатоступінчастим, і, що важливо, кожен з етапів цього виробництва залишає рештки стаціонарних об'єктів та інвентар, які й фіксуються археологічно.

Найперше – видобуток вапняку. Стародавні вапнякові каменоломні – артефакт великий, вагомий, на жаль, абсолютно ігнорований археологами – нами засвідчено поряд черняхівського поселення з об'єктами склоробки в Комарові на Дністрі, в складі чинбарських осередків в Добринівцях та Гряді.

Далі – випалення вапняку. Ми виділяємо 4 способи цього процесу: костровий (напільний), вогнищевий, пічний та горновий. Костровий залишає випалену площадку із шматками вапняку (легко реконструюється на етнографічних матеріалах ще недавнього часу). Прикладом вогнищевого способу випалу вапняку є легко заглиблена, площею 10 кв. м, споруда „вапнярня” 5 в Гряді-I: велике вогнище з глиняним черенем та розвалом вапнякових груд на материковому останці, обмеженому рівчачками, в центрі споруди. Подібним вогнищем для пражання вапняку, вважаємо, є й плитка яма-

вогнище з брилами вапняку в ній з житла 41 вельбарського поселення Хрінники на Волині.

Вапнярські ями-печі черняхівської культури найкраще представлені теж у Гряді-І. Це овальні ями 6-10 розміром 1,15-1,4х1-1,4 м (нижня частина печі), товсто обмазані глиною й випалені (за виключенням устя). На дні – 2-3-см шар деревного вугілля та скупчення (5-30 штук) великих шматків черепашнику. Печі мали куренеподібне перекриття, обмазане глиною: значні, іноді потужні шари обмазки знайдено в заповненні кількох ям поруч.

Піччю для випалу вапняку слугував, очевидно, й гончарний горн 5 (після припинення його функціонування) з черняхівського поселення Лука-Врублівецька на Дністрі: з випаленою глиняною камерою 1,2-1,25 м в поперечнику, з вапняком та вапном у нижній частині та на дні (прообраз горнового випалу вапняку більш пізнього часу).

Незначну кількість вапняку випалювали і в звичайних печах. У глинобитній печі великої споруди-чинбарні 2 з Гряді-І поверх 3-см шару деревного вугілля лежали 8 обпалених шматків черепашнику (як і в печах 6-10 та споруді 5 поруч).

Випалений вапняк – напівфабрикат, який потрібно згасити (оприскуванням чи поливанням водою). Необхідна умова гашення – вапняк повинен бути подрібнений. Подрібнення вапняку відбувалось поруч об'єктів гашення, очевидно, на кам'яних робочих площадках – прямокутній основі з кам'яних брил, зі слідами ударів на площинах каменів, шматками вапняку між камінням та підвищеним вмістом кальциту в ґрунті під площадкою. Таку кам'яну робочу площадку ми засвідчуємо поруч горна-печі в Луці Врублівецькій. Є такі площадки для дроблення лімоніту й вапняку в складі Уманського металургійного центру ранньоримського, можливо, й черняхівського часу (поруч горнів, ям з вугіллям та вапном), також – в Свентокшисах, Новоклинівці.

Гашення вапняку проводиться як напільно (великі втрати), так і в ямах-„творилах”. Черняхівські „творила” виявлені у складі чинбарських комплексів Добринівці-І та Гряда-І. В Добринівцях це яма в споруді-чинбарні 12: 5х2 м, 2,2

м завглибшки, з шарами вапна у заповненні та відбитками його на стінках. У Гряді – це яма 1 1 в кінці ланцюжка з вапнярських ям-печей: 2,6x2,3 м, глибиною 1 м, заповнена вапном, та, очевидно, яма Д споруди 2: 1,3x1,2 м, теж 1 м завглибшки, з вапнистим заповненням на усю її глибину.

Вапнярські об'єкти римського часу – великі печі з кам'яними конструкціями і потужними шарами вугілля й вапняку в заповненні та глинобитні печі з вапняком, часто у супроводі ям-„творил” і ям для випалу й зберігання вугілля, поза робочими площадками інших ремесел – досліджені в багатьох пунктах Центральної Європи. Це, в основному, самодостатні високо продуктивні вапнярські комплекси, що забезпечували вапном потреби як місцевого населення, так і племінних об'єднань.

Вапнярство черняхівської культури, очевидно, не є самостійним виробництвом. Менш продуктивні об'єкти – печі 1,5-2 м², ями для гашення вапна 2-4 м², без міцних кам'яних конструкцій (печі з Гряди могли давати 10-15 кг вапна кожна, що у кілька разів менше європейських), виключно у складі чинбарських чи металургійних осередків – вказують на хоч і спеціалізований, але допоміжний, у складі більших професійних центрів, їх рівень. Майстрами-вапнярами тут були металурги, склороби, чинбарі. Продукція цих вапнярських об'єктів забезпечувала як інші спеціалізовані ремесла, так і, напевно, локальну округу: черняхівці для внутрішніх потреб не виготовляли вапно в домашніх умовах (жодних вапнярських об'єктів в складі черняхівських житлово-господарських комплексів не зафіксовано).

У вельбарській культурі вапнярських осередків не виявлено, вапнярство тут могло бути домашнім заняттям або допоміжним ремеслом у складі невеликих приселищних металургійних комплексів.

Можливо, вапнярські технології в черняхівській культурі, разом з поширенням технік аграрних, металургійних, ковальських, кружального гончарства, є результатом кельтського впливу на східноєвропейський Барбарікум.

Чинбарський осередок Гряда-І включає й об'єкти вуглярства та дігтярства. Яма 5 – 8-подібна (вугільна яма-піч з припічком), площею 3,7 м², легко

заглиблена, із скупченням чистого деревного вугілля товщиною 10 см в одній з півкуль. Вугілля зберігалось в ямі 4 поруч – підквадратній, 1,2x1,2 м, 1 м завглибшки, на половину заповненій вугіллям. Аналогічні ями для випалу й зберігання вугілля відомі з усіх вапнярських і залізобудівних центрів римського часу.

Дігтярнею-„майданом” в Гряді, можливо, є розташована в центрі осередка наземна будівля площею 10 кв. м. В долівці споруди попарно розміщені 4 однотипні круглі ями 22-25: 1-1,3 м у поперечнику та 0,5 м глибиною з додатковою ямкою 0,4-0,6 м в діаметрі й 0,2 м завглибшки в дні більшої ями. Дьоготь тут міг дистилюватись в горщиках, встановлених в менших ямках („підямниках”) і перекритих горючим матеріалом. Присутність дігтярні на спеціалізованому чинбарському осередку – логічна.

Очевидно, вуглярство та дігтярство були допоміжними ремеслами у складі інших ремесел – металургії, гончарства, чинбарства, склоробки тощо: автономних лісотехнічних комплексів чи осередків римського часу ми не знаємо.

ПІДПИСИ ПІД РИСУНКОМ

Гряда-I – вапнярсько-чинбарський осередок IV ст. н. е. поблизу Львова

Воронцов А.М.

(Тула, Россия)

ГОРИЗОНТ ПЕРИОДА ЧЕРНЯХОВСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хронологический горизонт, характеризующийся присутствием массового черняховского импорта был выделен на памятниках мощинской культуры Окско-Донского водораздела в ходе работ последних лет (Воронцов, 2008, С. 204, Рис. 1: II). Датировка его в рамках кон. III - сер. IV вв. обоснована находками серии черняховских фибул (вариантов 2 и 3 серии I подгруппы 2 группы 16 и варианта 1a подгруппы 1 группы 17 по А.К. Амброзу), а также

стратиграфическим положением соответствующих ему слоев на раскопанных памятниках (Гавритухин, Воронцов, 2008). Необходимо отметить, что находки, связанные с черняховской традицией, есть и в более поздних хронологических горизонтах мощинских памятников Окско-Донского водораздела, но они единичны и связаны с ней едва ли напрямую.

Приведенную в вышеупомянутой статье сводку можно дополнить еще одной железной двучленной прогнутой подвязной фибулой с узкой ножкой, найденной на Акиншинском городище в ходе раскопок 2009 г. Таким образом, в настоящий момент на территории мощинской культуры найдено 11 железных и 5 бронзовых фибул, относящихся к типам, характерным для черняховской культуры. Для поселенческих материалов это значительное количество, что объясняется тем, что поселения этого горизонта погибли в пожарах, по всей видимости, связанными с военным разгромом. С этим же горизонтом на памятниках правобережья Оки связаны находки каменных жерновов на городищах Супруты, Щепилово и Ростиславль, и, вероятно, римских денариев первых веков н.э. (Рис. 1) (Гавритухин, Воронцов, 2008, С.35,56,58; Тавлинцева, 2010, С. 29-30, Рис. 5). Необходимо отметить, что на мощинских памятниках отсутствует черняховская керамика и пряжки черняховских типов. Последнее скорее всего связано с тем, что на мощинских памятниках вообще крайне малочисленны находки пряжек, что, по всей видимости, отражает особенности костюма.

При картографировании находок фибул черняховского происхождения обращает внимание их полное отсутствие на памятниках Поугорья (Рис. 1). Единственная подобная фибула из этого региона, происходящая с городища Свинухово, была отнесена А.К. Амброзом ко 2 варианту серии I прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой ошибочно (Амброз, 1966, С. 63). В настоящее время фибула находится в экспозиции Калужского краеведческого музея, и при знакомстве с ней стало очевидно, что она имеет дуговидную спинку (не характерную для фибул черняховской культуры) и длину более 6 см.

Обратная ситуация возникает при картографировании синхронных окских фибул с кнопкой типов 1 и 2А по И.Р. Ахмедову, считающихся

культурным индикатором мощинских древностей (Ахмедов, 2008, С. 7-15, Рис. 1-6). Практически все их находки сосредоточены именно в Поугорье (Рис. 1). Единственным пунктом, где найдены фибула черняховской традиции и окская фибула с кнопкой является городище Серенск, расположенное в непосредственной близости от Поугорья, но относящееся к бассейну Жиздры, в котором известны находки черняховских фибул (рис. 1).

Интересно отметить, что именно в Поугорье расположены все достоверные мощинские курганные могильники – Шаньково, Почепок, Кажак, Дубровка, Дюкино (Рис.1; Булычов, 1899, С. 5-7, 9-11, 30, Табл. II-V, XXII; Фролов, 1977, С. 78-79). Относимые В.В.Седовым к мощинским курганы Николо-Ленивец, Воротынцево, Дубосище (Седов, 1982, С.41) интерпретированы ошибочно, поскольку в Воротынцевском кургане урнами служили роменские горшки, предметы из кургана у с.Николо-Ленивец не характерны для мощинской культуры (Никольская, 1959, Рис. 23), материалы из Дубосищ также невозможно признать однозначно мощинскими (Седов, 1960, Рис. 3).

Подтверждение обособленности в рассматриваемый период северо-западной части ареала мощинской культуры, включающего Поугорье, и, вероятно, верховья Днепра, было найдено и в массовом керамическом материале. Судя по публикациям материалов раскопанных значительными площадями памятников, таких как городище и селище Мощины, городища Свинухово, Николо-Ленивец, Воротынцево (Массалитина, 1993, 2008; Никольская, 1953, 1962), на этих памятниках отсутствуют находки глиняных сковород, широко распространенных на памятниках Окско-Донского водораздела, верховьев Оки и поречья Жиздры (Воронцов, 2008; Массалитина, в печати; Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005, С.110-118; Никольская, 1970; Носов, 1974). Появление в составе мощинского керамического комплекса глиняных сковород, несомненно, связано с влиянием лесостепных культур, и, вероятно, их находки вместе с находками черняховских фибул и жерновов маркируют зону этого влияния.

Таким образом, в интересующий нас период можно констатировать разделение памятников мощинской культуры на две группы, одна из которых находилась в зоне черняховского влияния. Вероятным «проводником» этого влияния является группа памятников типа Каширка - Седелки, занимающая верхнедонской регион, на памятниках которой присутствует черняховская керамика и жернова, но редки находки черняховских фибул, многочисленных на мощинских памятниках Верхнего Поочья (Рис. 1). Последнее обстоятельство объяснялось, например, целенаправленной «эвакуацией» верхнедонского населения (Обломский, 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // САИ. – 1966. – Вып. Д1-30.

Ахмедов И.Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Вып. 1. – Тула. - 2008. – С. 7-27.

Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. – М.- 1899.

Воронцов А.М. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. II. – М. - 2008. – С. 202-206.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Вып. 1. – Тула. - 2008. – С. 28-89.

Массалитина Г.А. Керамика городища и селища Мощины // КСИА. – № 208. – М.- 1993. – С. 46-52.

Массалитина Г.А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротыньск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. –1. – Тула.- 2008. – С. 111-129.

Массалитина Г.А. Керамика нижнего слоя городища Серенск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Конференция 2. (в печати).

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа. – М. - 2005.

Никольская Т.Н. Городище у д. Свиныхово // КСИИМК. – Вып. XLIX. – 1953. – С.86-96.

- Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. – М. - 1959.
- Никольская Т.Н. Городище у дер. Николо-Ленивец (Раскопки 1954-1958 гг.) // СА. – 1962. – №1. – С. 221-240.
- Никольская Т.Н. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки // МИА. – №176. - 1970. – С. 83-90.
- Носов Е.Н. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. – №140. – 1974. – С. 3-10.
- Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – 1 – Тула.- 2008. – С. 142-162.
- Седов В.В. К вопросу о классификации смоленских курганов // КСИА. – №81. – 1960.
- Седов В.В. Восточные славяне и их соседи в VI-XIII вв. – М. - 1982.
- Тавлинцева Е. Ю. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тысячелетия н.э. // Археология Подмосковья. – Вып. 6. – М. - 2010. – С. 24-33.
- Фролов И.К. Работы в Калужской и Орловской областях // АО 1976 г. – 1977. – С. 77-79.

ПОДПИСИ ПОД РИСУНКОМ

Памятники мощинской культуры кон. III- сер. IV вв.

1-Шаньково, 2- Почепок, 3- Дубровка, 4- Мощины, 5- Кажак, 6- Николо-Ленивец, 7- Дюкино, 8- Свинухово, 9- Воротынский, 10- Серенск, 11- Дешовки 2, 12- Дуна, 13- Акиньюшино, 14- Сенёво, 15- Поречье, 16- Супруты, 17- Майский, 18- Щепилово, 19- Лысая Гора, 20- Мосолово, 21- Никулино, 22- Ново-Клейменово, 23- Торхово, 24- Огубское, 25- Нижняя Городня, 26- Борисово, 27- Соколовка, 28- Сосновка 2, 29 – Ростиславль, 30- Лужки, 31- Воротынцево.

Гавритухин И.О.

(Москва, Россия)

ПОЗДНЕ- И ПОСТЧЕРНЯХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В «БОЛЬШОМ КИЕВСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ»

1.1. «Большой Киевский треугольник» (БКт) – регион, ограниченный бассейнами рек Днепр, Рось, Ирпень, или с вершиной в районе Киева и основанием на Роси. Часть БКт – «Малый Киевский треугольник» (МКт), у которого вершина в районе Киева, но основанием является бассейн Стугны.

2.1. Ко 2-й пол. 4 в. большая часть БКт (кроме района низовий Ирпеня) была освоена носителями черняховской культуры (Чк). Смена поселка

киевской культуры черняховским с вельбарскими компонентами убедительно продемонстрирована Р.В. Терпиловским на примере Глевахи. Вероятно, такой механизм не был единственным и присутствие киевских традиций в Чк БКк не вызывает сомнений. В тоже время, выделение в БКк обширных зон с преобладанием киевского или вельбарского компонента не представляется убедительным. Скорее, интеграция компонентов Чк в БКт, как и в других регионах, зашла достаточно далеко, а в военно-политическом отношении население БКт 2-й пол. 4 в. едва ли делилась на 2 четкие группы, по-разному реагирующие на внешние вызовы.

2.2. Индикаторы раннего гуннского времени зафиксированы в БКт на многих памятниках Чк. Ближе к Днепру таких индикаторов явно больше. Их отсутствие в ряде «кустов» черняховских памятников БКт объяснимо особенностями выборки, периферийностью таких памятников в рамках региона и, вероятно, концентрацией населения в беспокойный период. Говорить о запустении некоторых районов БКт в связи с событиями 375/376-378/381 гг. на современном уровне исследований преждевременно, хотя такая возможность не исключена, особенно, учитывая отсутствие индикаторов гуннского времени в Чк на территории Житомирщины.

2.3. На севере БКт известен памятник пражской культуры фазы 0 (Оболонь, жил.10). Фаза 0 методом «узкой» хронологии (наложением интервалов хроноиндикаторов) датируется сер. - 2-й пол 4 в., что, учитывая особенности метода и нечеткость хронологических границ, не исключает более широкую дату (в рамках 4-го – нач. или 1-й пол., 5 вв.). Оболонь находится в полесских ландшафтах, не привлекательных для носителей Чк. Появление здесь пражских памятников может быть как синхронно многим памятникам Чк, так и отражать первые постчерняховские волны в смене населения региона.

3.1. В МКт Чк сменяется пражской культурой, периодизация которой довольно хорошо изучена. На фазе 1 (сер. 5 – нач. 6 вв.) можно уверенно говорить о появлении в зоне Чк пражских памятников, причем традиции, для которой, в отличие от Облони, показательны глинобитные печи (Старокиевская гора). На Стугне присутствие той же пражской традиции несомненно на фазе 3

(7 в.; Обухов, В. Бугаевка), возможно некоторые материалы относятся к фазе 2 (сер. 6 – нач. 7 вв). Малочисленность выборки и неудовлетворительная публикация некоторых комплексов (Н. Безрадичи, Ходосовка) не позволяют точнее реконструировать процесс освоения МКт носителями пражской культуры. Никаких достоверных следов их контактов с Чк в Поднепровье не выявлено.

3.2. В МКт известны и древности колочинской культуры. Комплекс из Ходосовки датирован фибулой ок. сер. – 2-й пол. 5 в. Наличие схожих материалов в Обухове и на Ирпене пока не подтверждено комплексами, поэтому не ясно, насколько массовым и долговременным был «колочинский эпизод» в истории МКт. Говорить о выразительном круге явлений, связанных с колочинской культурой, в БКт пока нет оснований.

3.3. На юге БКт Чк сменяется пеньковской культурой. Ее достоверные комплексы зафиксированы пока лишь на Роси. Убедительной (во всяком случае для БКт) периодизации пеньковской культуры нет, отсутствуют в БКт и индикаторы, позволяющие датировать эти памятники уже, чем для культуры в целом (ок. 2 четв. 5 – 3 четв. 7 вв.). Обоснована лишь связь пеньковских памятников с древностями круга Мартыновского клада; напр., в Вильховчике. Северная граница древностей круга Мартыновки почти вплотную подходит к МКт, но в этом районе, занятом пражской культурой их нет. Очевидно, по крайней мере к сер. 7 в., в БКт существовала отчетливая конфронтационная граница, проходившая чуть южнее МКт.

4.1. Правобережье Среднего Поднепровья, куда входит БКт, богато единичными находками 5-6 вв. Памятники Чк, как было сказано, еще существуют в раннегунское время, но, очевидно, сравнительно недолго. Особенности индикаторов таковы, что мы не можем сказать, как датируется и с чем связан финал Чк. Возможно, с волной 405-409 гг., известной на западе по нашествию Радагайса на Италию, вандалов, аланов, свевов и др. в Галлию, или (и?) с концентрацией сил в Подунавье в рамках гуннской державы, явной уже в 420-е гг., при Руа.

4.2. В единичных среднеднепровских находках 1-й пол. 5 в. фиксируется явный понтийский (ранние броши-цикады; стекло) и балтийский (фибулы с лопатковидной ножкой и типа Сковарч/Шенварлинг) импульсы, но преобладают вещи, связанные с традициями Чк, в т.ч. фибулы локальных серий: двупластинчатые с широкой ножкой, наибольшее расширение которой сдвинуто к дужке; с ножкой, близкой ромбической, нередко профилированной и/или зауженной; показательно и украшение пластин композициями из «птичьего глаза», обильные нарезки на дужке и т.д. Там, где локализация ясна, такие вещи концентрируются вдоль Днепра и связаны с зоной поздних памятников Чк. Очевидно, они отражают сохранение части традиций (и носителей) Чк в БКт, но не напрямую, а опосредованную передвижениями населения (ср. картину в Восточном Прикарпатье).

4.3. Вещи середины – 2-й пол. 5 в. (показательные для фаз D2/D3 и D3 в Подунавье или синхронные им) явно сохраняют те же традиции. В направлениях культурных связей отчетливо виден и дунайский импульс. Причем для D2/D3 это единичные вещи, не оказавшие существенного влияния на местное творчество, но начиная с D3 можно говорить о сериях, адаптируемых в местные традиции. Рассматриваемые находки с ясной локализацией явно концентрируются от Каневщины до Черкас, включая низовья Роси.

4.4. Дунайско-восточногерманские связи этого региона сохраняются и в 6 в., здесь же представлен выразительный подбор керченских фибул, позволяющий говорить о присутствии выходцев из Боспора. С этим же контекстом Каневско-Черкасского региона, очевидно, связаны ингумации, сопровождаемые полиэдрическими серьгами или парой пальчатых фибул. Курганные захоронения со снаряжением всадника и коня (Бабичи) свидетельствуют и о присутствии степняков или включении в круг их традиций части местного населения.

4.5. Аналогичные анклавные в системе Пеньковской культуры фиксируются и в других регионах, причем в каждом из них можно отметить специфику структуры. Ближайший – в районе Градижска, например, отличает

концентрация византийских фибул. Локальные вариации фибул серии Орадя типа Удине – Планис и др. находки показывают связь таких анклавов и довольно высокий уровень развития в них ювелирного ремесла в 6 в. Ничего подобного нет в МКт, хотя наличие близких по времени амфор и монет свидетельствует о включении района Киева (т.е. некоторых групп носителей пражской культуры) в систему международных связей. К сожалению, нет возможности точно локализовать в рамках Киевской губернии комплект золотых вещей королевского ранга 2-й пол. 5 в.

5. Конфронтация 7 в. (наверное, восходящая к более раннему времени) заканчивается в БКт и ряде других регионов экспансией пражской культуры, выпадением кладов круга Мартыновки, финалом пеньковской культуры и связанных с ней анклавов, где развивались и восточногерманские традиции, в т.ч. постчерняховские. Новые реалии в БКт маркируют эволюция пражских традиций, прослеженная в Обухове, появление памятников типа Сахновки, украшения круга Пастырского, ареал которых полностью включает и БКт.

Гопкало О.В.
(Київ, Україна)

ХРОНОЛОГИЯ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Разработка относительной хронологии черняховской культуры, осуществляемая М.Б. Щукиным, Е.Л. Гороховским, О.В. Шаровым, О.А. Гей, И.А.Бажаном (Щукин, 2005, С. 112-117), не учитывала особенностей инвентаря мужских и женских могил. Методические рекомендации по этому поводу высказывались в литературе (Ефименко, 1926, С. 62), однако, выполнить их практически было довольно сложно. Немного оказывалось погребальных комплексов пригодных для корреляции (сериации), не хватало систематизаций различных категорий находок и, наконец, немногие памятники изучались антропологами. Сейчас ситуация изменилась и можно уточнить некоторые выводы, полученные предшественниками.

На основе анализа инвентаря погребений с установленными половозрастными характеристиками удалось выделить признаки мужских и женских погребений (см. кратко: Бобровская, 2002, подробно: Гопкало, в печати).

Антропологами изучались материалы 54 черняховских могильников. Из них опубликованы и доступны антропологические определения костных остатков 458 погребений взрослых из 37 некрополей. Предметами групп Б и В по Н.М. Кравченко — вещей личного убранства, одежды и личного пользования, а также предметов производственного назначения, предметов быта, вещей символического и культового назначения, указывающих на занятия, профессию погребенного и его социальный статус (Кравченко, 1987) сопровождалось 185 погребений: 82 мужских и 103 женских. Сравнение их инвентаря позволило сделать следующие выводы.

Мужские могилы содержали бронзовые ножи, ножницы, предметы вооружения, конскую упряжь, снаряжение всадника, игральные жетоны-фишки.

Женские — три фибулы, зеркала, два и более пряслиц, ключи и/или замки.

У мужчин преобладали единичные фибулы, пряжки (единичные и парные), металлические кольца, браслеты, ножи, шилья, иглы с игольниками. Бронзовые иглы иногда дополняли набор, состоящий из бронзового ножа и ножниц.

В могилах женщин чаще встречались бусы, две фибулы, подвески, височные кольца, пряслица, пинцеты.

Существует ряд признаков, которые встречались одинаково часто в мужских и женских погребениях. Это — роговые гребни, точильные камни, монеты, единичные бусины, клюковидные булавки, детали шкатулок.

Следует отметить, что инвентарь мужских погребений значительно более скудный, чем женский. Из датирующих вещей здесь встречаются пряжки, гребни и кубки, реже фибулы. Часто в мужских погребениях найдено по одной датирующей вещи, например, стеклянному кубку, что лишает возможности

использовать комплекс для сериации. Таким образом, относительная хронология мужских погребений основывается на комбинациях типов стеклянных кубков, пряжек, фибул и гребней.

В последнее десятилетие работ, посвященных стеклянной посуде, распространенной в черняховском ареале, стало больше (Гавритухин, 1999, Петраускас, Пастернак, 2003, Ліхтер, Гопкало, 2007). Среди позитивных тенденций следует отметить попытку привлечь даты некоторых модификаций стеклянных сосудов для уточнения абсолютной хронологии черняховской культуры (Гавритухин, 1999). Однако, это полезное начинание, к сожалению, не получило систематического продолжения. Типологическое определение стеклянной посуды осуществляется по работам Х.Ю.Эггерса, Г.Рау, Е.Штрауме (Eggers, 1951; Rau, 1972, 2008; Straume, 1989), а также используется классификация толстостенных кубков со шлифованной и пластической орнаментацией конических и с выделенной ножкой (Е 236-238 и Штрауме VI-IX), предложенная И.О.Гавритухиным (Гавритухин, 1999).

Для определения деталей поясной гарнитуры и фибул используются классификации Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988), двупластинчатых фибул — И.О.Гавритухина (Gavritukhin, 2002).

Гребни идентифицируются по схеме, разработанной Р.Г. Шишкиным с учетом наблюдений за их хронологией (Шишкин, 1999, 2002).

Для сериации привлекались 74 могилы — мужские согласно антропологическим определениям и с «мужскими» признаками инвентаря. Некоторые вещи изучались визуально, некоторые — типологически определены создателями соответствующих разработок. Находки из могильников, исследованных на территории Румынии, идентифицировались по рисункам публикаций.

Состав типов вещей, встреченных в инвентаре мужских могил отличается от представленного для сериации женских погребений (Гопкало, 2008, Табл.3.1, Рис.3.4). Больше разнообразие наблюдается среди стеклянной посуды. Мужчины чаще носили уникальные ювелирные изделия. Предметы вооружения, снаряжения всадника, конской упряжи различных типов, а также

некоторые типы пряжек встречаются только у мужчин, некоторые типы фибул и пряжек — преимущественно у мужчин. Среди популярных мужских подвесок — медальоны из римских монет, плоские прямоугольные подвески, носившиеся в паре с лунницами. Кроме того, надежным показателем относительной хронологии могут считаться инновации, зафиксированные в мужском уборе.

Стержнем для сопоставления сериаций женских и мужских погребений стали стеклянные кубки и роговые гребни — массовые и универсальные категории инвентаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобровская О.В. Опыт применения методики палеосоциологических исследований в черняховедении // Сучасні проблеми археології. — К. - 2002. — С.43-45.
- Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. — К. - 2008.
- Гопкало О.В. Мужской и женский черняховский убор. (в печати).
- Гавритухин И.О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236-238, 195; Straume IV-XI) // Сто лет черняховской культуры. — К. - 1999. — С.48-86.
- Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис... канд. ист. наук// НА ИА НАН Украины. — 1988. — ф. 12. — № 465.
- Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. — 1926. — Т. III. — С. 59-84.
- Кравченко Н.М. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования социально-исторических проблем в археологии. — К. - 1987. — С. 209-227.
- Ліхтер Ю.А., Гопкало О.В. Скляний посуд з поселення Теремці // Збірник наукових праць наково-дослідного інституту українознавства. — 2007. — Т.XV. — С. 188-196.
- Петраускас О.В., Пастернак В.В. Скляні посудини могильника черняхівської культури Велика Бугаївка в Середньому Подніпров'ї // Археологія. — 2003. — № 4. — С. 65-76.
- Шишкин Р.Г. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару (Київ, 14-16 грудня 1999 р.). — К. - 1999. — С. 43-47.
- Шишкин Р.Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. — К. - 2002. — С.244-246.

Щукин М.Б. Готский путь. — СПб. - 2005.

Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien. — Hamburg. - 1951. — Bd.1,2.

Gavritukhin I. Double-plate fibels of subgroup I // A нунрегyhбzi Jysa Andrбs Mъzeum Йvkцnyve. — 2002. — XLIV. — p. 113-184.

Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta praehistorica et archaeologica. — 1972. — 3. — S. 109-214.

Rau G. Spätantike Facettschliffgläser in Nord- und Osteuropa // Acta praehistorica archaeologica. — 2008. — 40. — S. 221-240.

Straume E. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n.Chr. — Oslo.- 1987.

Гудкова А.В.

(Одеса, Україна)

ЗАЩИТНАЯ МАГИЯ В ИНГУМАЦИЯХ ЧЕРНЯХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НАГОРНОЕ-II

На могильнике в с. Нагорное на восточном берегу оз. Кагул, имеются следы различных магических действий, совершавшихся при погребении умершего. Они представляющих значительный интерес для изучения на финальном этапе существования черняховской культуры, прежде всего, этнокультурных процессов. Кроме того, они дают:

Первая группа таких явлений - это неполные или частичные скелеты, отмеченные в погребениях в простых ямах и в ямах с уступами. В погребениях 1, 4, 12, 26, 40, 44, 45, 68, 72, 76, 77, 79, 89 и 90 – у скелетов отсутствовали кисти рук и стопы, в погребениях 31, 46, 49, 52, 63, 69 – стопы, в погребении 36, возможно, спеленутом, - кисти, в погребении 32 - левая кисть, а в погребении 87- правая.

В захоронении 34 не было - левой кисти и правой стопы, а правая рука была заведена за спину. В захоронениях 41 и 55 полностью отсутствовали левая кисть и стопы. В могиле 28 отсутствовали нижние части костей предплечий и кисти. В погребении 81, где костяк находился в полном анатомическом порядке, отсутствовали череп и шейные позвонки, кисти рук и стопы ног. В

погребении 34 голова умершего была отделена от тела и положена в могилу теменем вверх. Все это выглядит как преднамеренная ампутация.

Всего на могильнике учтено 28 неполных костяков, что составляет около 40,5 % от захоронений в тех формах могил, в которых практиковались частичные погребения. От всех захоронений с ингумацией это составляет 32 %. Количественная характеристика настолько внушительна, что этим явлением трудно пренебречь. Вряд ли также можно допустить, что все эти факты отражают случайности в разрушении скелетов.

Для черняховского погребального обряда отчленение части трупа перед погребением не характерно, хотя и известно, на некоторых могильниках. В Будештах засвидетельствовано отделение черепов (Рикман, Памятник эпохи..., С. 130). Кроме того, найдено 14 их отдельных захоронений (Рикман, 1964, С. 117, 121). Очевидно, отчлененные черепа хоронили отдельно. Подобный, случай имеется и в Косаново в погребении 23 (Кравченко, 1967, С. 92). Кроме того, на этом могильнике имел место отчленение кистей и стоп с частью длинных костей (погребения 3 и 8). Кроме того, в захоронении 12 у целого скелета отсутствовала лицевая часть черепа (Кравченко, 1967, С. 84, 86, 88). Ритуальное расчленение трупа отмечено в литературе также на могильнике Компанийцы в погребении 2 (Обломский, 1999, С. 84).

Для изучения этих обрядов особого внимания заслуживают материалы масломенчской группы черняховской культуры на юге Польши. А.Коковский описал, как обычное для нее явление, практику отчленения частей трупов перед погребением (Kokowski, 1997 S. 741-747 и катало г). По это му привнаку он составил каталог по всем могильникам черняховской культуры, включая памятники Сынтана де Муреш. В результате было установлено наличие неполных скелетов на 44 могильниках, иногда в большом количестве. Так, например, в могильнике Богданешть-Фальчиу их 34, т. е. 34%. Подводя итог своим наблюдениям, А. Коковский пишет о захоронениях масломенчской группы: «Хотя здесь обычно присутствуют скелеты, которые были расчленены чаще всего на высоте десятого позвонка, мы знаем, однако, случаи, когда отсутствует, например, череп или в погребении лежали только кости ног или

одна отрубленная рука». Захоронения полностью целых трупов составляют примерно одну четверть от общего количества. Эти обряды, по мнению Ф. Коковского, появляются в фазе D масломенческой группы, которая начинается, примерно, с середины периода между 260 и 300г.» (Kokowski, 1997, S. 700, Abb. 40B, 743).

Расчленение трупов на могильниках масломенческой группы разнообразно. В этом отношении картина во многом аналогична той, что существовала на могильнике Будешты, и лишь частично совпадает с материалами Нагорного, где форм расчленения явно меньше. Известны отдельные погребения отчлененных ног или рук, что явно перекликается с зафиксированными в Нагорном ненарушенными скелетами, у которых отсутствовали стопы и кисти рук, а в одном случае и череп.

Вторая группа аномальных явлений в Нагорном представлена в двух явно неординарных захоронениях в могилах с уступами. В захоронении 33 пяточные кости вывернуты вверх, стопы и голени придавлены плахами, положенными в гробовище продольно. В погребении 85 череп придавлен сверху поперечными деревянными плахами, положенными специально для этого. Кроме того, несколько таких же плах лежали продольно возле костей стоп и между ногами. Возможно, они первоначально лежали вдоль на ногах, а при разложении трупа сползли с них. Левая пяточная кость вывернута вверх, а правая - лежала поверх плахи, т. е., очевидно, тоже была вывернута.

К этому обряду интересную аналогию дает могильник Одая в Поднестровье. Здесь в самом выдающемся погребении № 23 мужчины 30-40 лет привилегированного статуса голени и одна стопа были поперечно придавлены двумя горящими плахами. Видно, что огненный обряд проводился на стороне, так как следов горения в могиле нет. (Никитина, 1996, С. 16-17; 2008, С. 138, 157).

Создается впечатление, что описанные обряды отражают желание предотвратить перемещение и активную, - очевидно, вредоносную, - деятельность умерших. Таким образом, совершенно очевидно применение в обряде погребения защитной магии. Она была весьма разветвленной и

проявлялась в многочисленных и разнообразных формах. Ее следы зафиксированы на некоторых могильниках черняховской культуры, однако, пока мало изучены (здесь речь не идет о ритуальном вскрытии погребений).

Исследование в той или иной мере проведено лишь на нескольких могильниках. Пока создается впечатление, что такие магические обряды не были чем-то исключительным. Если это так, то неминуемо возникнет вопрос, на каких, именно, памятниках и в какое время существовал этот феномен. Его интерпретация становится во многом ясной благодаря проведенному М.Манчинской исследованию страха перед умершим и культа мертвых у германцев в IV-VII вв. н.э. (Манчинска, 1997).

Рассматриваемые исследовательницей материалы свидетельствуют, что в конце III в.н.э. в Центральной, Северной и Восточной Европе начинают довольно часто появляться «погребения со специфическим обрядом». Один из признаков этих погребений заключается в том, что среди них были скорченные, а не вытянутые, как обычно, скелеты. Вероятно, умершие были связаны. «Известны также погребения, в которых отсутствует голова, а следы на шейных позвонках свидетельствуют о том, что голова была отрублена» (Манчинска, 1997, С. 207). Зафиксированы погребения, в которых череп был эксгумирован, сожжен, а его остатки найдены в верхней части заполнения могильной ямы. Исследовательница приводит перечень могильников IV в. с преобладанием специфического обряда погребения: это - Жерники Великие в Верхней Силезии, Абрахам в юго-западной Словении, Масломенч в юго-восточной Польше и Варпелев на острове Зеланд (Манчинска, 1997, С. 208). Она отмечает так же погребения на могильниках только черепов и ссылается при этом на материалы могильника Тырг-шо р культуры Сынтана де Мурш и другие памятники (Манчинска, 1997, С. 209-210). М.Манчинска анализирует феномен погребений со специфическом обрядом на основе исландских саг. У людей, похороненных таким образом, причина смерти или отношения с обществом не были нормальными. Они могли представлять опасность для живых.

Очевидно, что в приведенный список могильников с широким применением специфического обряда следует включить и Нагорное-II и,

вероятно, Будешты. Таким образом фиксируется тесная связь обитателей Нагорного с германским миром. Создается впечатление, что это не было наследие вельбарской культуры. Оно связано с поздними контактами носителей черняховской культуры на ее позднейшем этапе с германским миром.

Мы пока не беремся судить, насколько широко специфический погребальный обряд, характеризующийся защитной магией, был распространен на других черняховских могильниках. Для этого необходимо их скрупулезное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961-1964 гг.) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. - М.- 1967. - С. 77-135.

Манчинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV – VII вв. н. э. (на основании так называемых погребений специфического обряда). С. Stratum + Петербургский археологический вестник. - СПб. - 1997. - С. 207-213.

Никитина Г. Ф. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.- 1996.

Никитина Г. Ф. Черняховская культура Поднепровья (по результатам анализа археологических источников). - М. - 2008.

Обломський А.М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійци (етнокультурна інтерпретація). - Археологія. - № 4. - 1999.- С. 76-88.

Рикман Э. А. Памятник эпохи великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты). - Кишинев.

Рикман Э. А. Погребальные обряды Будештского могильника // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. - М-1964.

Kokowski A. Die Maslomecz-Gruppe. Ihre Chronologie, und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkeises. Ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihres Wanderungen. // BRGK. - 1997. - В. 78.

О ПОСТЧЕРНЯХОВСКОМ ГОРИЗОНТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В постчерняховское время (периоды D2- D2/3, то есть после 400/410 гг.). на территории, ранее составлявшей зону черняховской культуры, известны как памятники «княжеского» уровня с вещами интернационального характера, так и рядовые находки восточногерманского облика, которые здесь и будут рассмотрены. Последние концентрируются в трех регионах: в румынской Молдове, на Среднем Днестре и, в меньшей степени на Нижнем Днестре.

В румынской Молдове это небольшой некрополь в Ботошани (~~Ватоі~~ Dealul Caramidariei) из 23 погребений (Рис. 1, 16-45), изолированные могилы на черняховских некрополях Нишитени (Nichiteni) (Рис. 1, 1) и Валя Лупулуй (Valea-Lupului) а также погребения в Роман (Roman) (Рис. 1, 4-11) и Секуени (Secueni) (Harhoiu 1998, № 15, 59, 73, 74, 94, там же библиография). Это ингумации, ориентированные головой на запад или север. В некоторых случаях отмечена искусственная деформация черепа у погребенных. В погребальный инвентарь, помимо серогончарной керамики, входят фибулы типов Прша-Левице (Рис. 1, 17,18), Вышков (Рис. 1, 4), поздние дериваты двупластинчатых фибул типов Амброз I и II (Рис. 1, 1,5), пряжки (Рис. 1, 27, 40), браслеты с расширенными концами, серьги с полиэдрическим окончанием (Рис. 1, 7, 8, 28, 29, 34, 42), бусы, в том числе «крапчатые» (Рис. 1, 24) и янтарные (Рис. 1, 16, 22, 23), металлические зеркала (Рис. 1, 45), булавки (Рис. 1, 25, 26, 30). Этому, или несколько более раннему времени на данной территории соответствует и знаменитое «княжеское» погребение в Концештах (Harhoiu 1998, № 32).

В Среднем Поднепровье постгуннская эпоха представлена изолированными находками, реже погребениями. Это фибулы типа Братеи из Каневского, Чигиринского и Черкасского уездов (Рис. 1, 2, 3), трехпалая фибула из района Киева, а также малая орлиноголовая пряжка из района

Хмельны и, наконец, дунайская фибула типа Прага из Михайловки (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, p. 149; Kazanski 2009, p. 147, там же библиография). Одним из редких погребений этого времени является ингумация в Любовке, на Днепровском Левобережье, с парой арбалетных фибул, одна из них понтийской традиции, браслетами с расширенными концами и ожерельем из бус. Видимо, к этому же горизонту находок следует причислить и погребение 4 черняховского могильника Сумы-Сад, где была обнаружена серьга с полиэдрическим окончанием. Как показывают находки на крымском могильнике Заморское, на могильнике Тиссадоб в Восточной Венгрии или в некрополе Танаиса, полиэдрические серьги известны уже в период D1 (360/370 – 400/410 гг.), то есть в эпоху финальной стадии черняховской культуры. Более того, на вышеперечисленных памятниках они присутствуют в закрытых комплексах вместе с малыми двупластинчатыми фибулами черняховской традиции. Однако, на памятниках собственно черняховской культуры такие серьги отсутствуют, за исключением вышеназванных находок в Молдавии и Поднепровье. Поэтому есть все основания причислить могилу в Сумы-Сад к постчерняховскому горизонту. Целая серия княжеских находок на Днепровском Левобережье –Паники, Большой Каменец, Жигайловка, Рублевка, также относятся к постчерняховскому времени (подробнее Shchukin, Kazanski Sharov 2006 146, 147; Kazanski 2009 p. 141-143, там же библиография). Несколько более поздним временем, периодом D3 450-480 гг.), датируется Киевский «княжеский» клад (Ахмедов, Казанский, 2004).

На Нижнем Днепре находки постчерняховского времени очень немногочисленны, это фибула с треугольной головкой из Кучугур (Рис. 1, 14) и серьги с полиэдрическим окончанием из Чулаковки и из погребения в Кардашинке (Рис. 1, 12, 13). Несколько севернее, в Капуловке, на позднечерняховском поселении были найдены золотые серьги с полуэдрической подвеской, периода D2 или D2/D3 (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, p. 149, 150; Kazanski, 2009, p. 148). Имеются здесь и «княжеские» находки, относящиеся, правда, по большей части уже к периоду D3 (Kazanski, 1996, p. 324, 325).

Итак, некое оседлое население с восточногерманскими культурными чертами продолжает оставаться на территории некогда занятой готами – носителями черняховской культуры и в постчерняховское время, в течение второй трети V в. (Kazanski, 1992 ; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 146-150; Kazanski, 2009, p. 140-152; Гавритухин, 2000; Гавритухин, 2007). Находки постчерняховского времени очень немногочисленны, даже по сравнению с памятниками финальной фазы черняховской культуры, соответствующей периоду D1. Скорее всего, резкое демографическое падение здесь связано с уходом основной массы готов на Запад, в составе войск Радагайса в 405-406 гг. (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, p. 129, 147; Kazanski, 2009, p. 111, 145). Действительно, армию Радагайса авторы V в. исчисляли в 200 000-400 000 человек. В битве при Фезуле, летом 406 г., потери готов оцениваются ими в 100 000 человек. Эти цифры, конечно, очень условны, но ясно, что речь идет об очень большой массе людей (Demougeot, 1979, p. 421, 422).

Если погребальный обряд – ингумации с северной и западной ориентировкой продолжает черняховские традиции, то убор имеет инородное, дунайское происхождение. В нем, помимо фибул, присутствуют браслеты и серьги, мало распространенные на этой территории в черняховское время. Распространяется и новый обычай искусственной деформации головы (Ботошани). В то же время улавливается и южное, понтийское влияние, проявляющееся как в уборе (фибулы понтийской традиции, металлические зеркала). В то же время присутствие изолированных могил постчерняховского времени в черняховских некрополях (Сумы-Сад, Нишитени, Секуени), свидетельствует, на мой взгляд, о континуитете населения.

Письменные источники подтверждают данные археологии о существовании групп восточногерманского населения на рассматриваемой территории в гуннское время. Общеизвестен рассказ Иордана о том, что остроготы оставались на своей территории под властью гуннов вплоть до сражения при Недао в 454-455 гг. (Getica, § 2456-253, 264). Зосим упоминает находившихся где то к северу от Нижнего Дуная скиров, союзных гуннам

(IV.34.6) и бастарнов (IV.51,52). Наконец, согласно тому же Зосиму, какая то часть визиготов после смерти Атанариха в 381 г. также вернулись на земли к северу от Дуная (IV.5,6).

Итак, археологические данные и свидетельства письменных источников показывают, что на территории, ранее занятой носителями черняховской культуры оставались группы какого-то восточногерманского населения, скорее всего готского происхождения, потомки носителей черняховской культуры. Широкое распространение дунайских вещей может свидетельствовать как о появлении новых групп мигрантов из Центральной Европы (см. о них подробнее Kazanski 1996), так и о распространении престижной дунайской моды. Последняя, если судить по находкам в Крыму и на Верхнем Дону, могла охватывать и негерманское население.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмедов И.А., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. - Санкт-Петербург.- 2004.- С. 168-202.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa.- Lodz.- 2000.- С. 261-320.

Гавритухин И.О. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени. Комплексы элиты V в.// Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. – Москва. – 2007. - С. 30-37.

Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2.2. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. – Paris.- 1979.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. – Bukarest.- 1998.

Kazanski M. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale 22. – 1992. - P. 191-229.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. – 5. – 1996. - С. 324-337, 567-581.

Kazanski M. Archéologie des peuples barbares (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V). - Bucarest-Brăila. - Editura Academiei Române.- 2009.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas – Empire et à l'époque des Grandes Migrations. - Oxford (BAR –IS 1535). - 2009.

ПОДПИСИ ПОД РИСУНКОМ

Рис. 1. Древности постчерняховского времени на территории черняховской культуры (Kazanski, 2009, fig. 50).

1: Нишитени; 2: Чигиринский или Черкасский уезды; 3: Каневский уезд; 4-11: Роман; 12: Чулаковка; 13: Кардашинка; 14, 15: Кучугуры; 16-45: Ботошани.

Любичев М.В.

(Харків, Україна)

САРМАТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА МОГИЛЬНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Анализ погребений большинства исследованных черняховских могильников региона через фильтр «сарматских» признаков в типах погребальных сооружений, лепной керамики и чертах материального воплощения погребального обряда (Седов, 1978; Гей, 2001-2002) позволяет выделить совокупности признаков и по их сочетаемости делать заключение о степени принадлежности данного комплекса к «сарматскому». Комбинации признаков сведены в подтипы, типы и группы.

Группу 1 образуют ингумации с «сарматскими» чертами. **Тип 1** составляют погребения в прямоугольных (овальных) ямах в материке или в черноземе, где контуры ямы не прослеживаются. **Подтип 1** образован погребениями с вытянутыми костяками, жертвенной пищей и гончарными сосудами. В нем присутствуют следующие комбинации: 1) остатки жертвенной пищи с ножом (Боромля 1, погр. 2); 2) остатки жертвенной пищи с ножом и большое количество сосудов (8, 9) (Боромля 1, погр. 4, 6; Успенка, погр. 137, 921, 1308, 1619); 3) остатки жертвенной пищи без ножа и малое количество сосудов (2) (Переяслав.-Хм., погр. 19/1954); 4) целый скелет животного или птицы и большое количество сосудов (8) (Боромля 1, погр. 39); 5) остатки жертвенной пищи с ножом и большое количество сосудов, а также угли/мел (Родной Край 1, погр. 3); 6) остатки жертвенной пищи с ножом/без ножа и большое количество сосудов (7, 8, 9), а также бусы (Войтенки, погребения 58,

94); 7) скелет животного или птицы и большое количество сосудов, а также бусы (Успенка, погр. 1647). **Подтип 2** составляют погребения с вытянутыми костяками на спине (с исключением), жертвенной пищей, лепными сосудами «сарматской традиции» отдельно или же совместно с гончарными сосудами. Внутри подтипа прослежены комбинации: 1) небольшое количество сосудов (2 - 4) в том числе лепной горшок/фрагмент лепного горшка (Компанийцы, погр.5, 51, 58, 60, 69, 118; Кантемировка/грунт., погр. 1, Войтенки, погр. 51, 92); 2) вытянутое положение костяка *на животе* и небольшое количество сосудов (1) в том числе лепной горшок (Компанийцы, погр. 55, 120); 3) небольшое количество сосудов (4) в том числе лепные горшки, а также остатки жертвенной пищи (Компанийцы. Погр. 83, 162); 4) лепной горшок /два лепных горшка (Компанийцы, погр. 82); 5) лепной горшок и железный нож (Войтенки, погр. 43) (Рис.1:II); 6) большое количество сосудов (7) в том числе лепной горшок (Родной Край 1, погр. 13). **Тип II** образуют погребения в ямах с подбоями с вытянутым костяком (в подавляющем большинстве случаев - на спине). **Подтип 1** составляют погребения со средним количеством гончарных сосудов с комбинациями: 1) среднее количество сосудов (5) (Переяслав-Хм., погр.2/1954); 2) среднее количество сосудов (5) и большое количество бус (Успенка, погр. 1631); 3) вытянутое положение костяка на боку и среднее количество сосудов (5) (Войтенки, погр. 66). **Подтип 2** составляют погребения с гончарными и лепными сосудами, жертвенной пищей/без нее, бусами/без них с такими комбинациями: 1) остатки жертвенной пищи с ножом/без нее, среднее количество сосудов (5) в их числе лепные горшки (1-3) (Компанийцы, погр. 124; Переяслав-Хм., погр.7/1954); 2) большое количество сосудов (8) в их числе лепной горшок, а также бусы (11) (Войтенки, погр.54); 3) остатки жертвенной пищи с ножом, среднее количество сосудов (5), в их числе лепные горшки (1-3), бусы (22), раковины *Surgrea*, *Murex* (Компанийцы, погр. 162). **Подтип 3** включает погребения с большим количеством гончарных сосудов, бус, раковинами, целыми скелетами жертвенных животных с комбинациями: 1) целые скелеты жертвенных животных и птиц, большое количество гончарных сосудов (11), большое количество бус (108), раковины *Surgrea*, *Murex*

(Войтенки, погр. 41). **Подтип 4** составляют погребения с деформированным черепом с комбинациями: 1) деформированный череп, остатки жертвенной пищи с ножом, большое количество бус (Боромля, погр.33). **Подтип 5** включает погребения с двумя костяками с комбинациями: 1) два костяка, большое количество сосудов (16), большое количество бус (145) (Войтенки, погр.86). В общих чертах к типу II относятся и разрушенные погребения 4 могильника Глубокое, 14/1954 могильника Переяслав-Хмельницкий, где присутствуют остатки. жертвенной пищи с ножом, фрагменты большого количества сосудов. **Тип III** составляют погребения в ямах с заплечиками. **Подтип 1** образуют погребения в ямах с заплечиками с северной ориентировкой вытянутого костяка с комбинациями: 1) сосуды/большое количество гончарных сосудов (8) (Переяслав-Хм., погр.2/1952, 14/1954, 17/1954); 2) большое количество гончарных сосудов, остатки жертвенной пищи (Переяслав-Хм.4/1952, 5/1952). **Подтип 2** образует яма с заплечиками и подбоем для инвентаря, костяком северной ориентировки с комбинациями: 1) остатки жертвенной пищи и большое количество сосудов (Боромля, погр.46). В **подтип 3** входят подобные погребения с костяками западной ориентировки с комбинациями: 1) большое количество гончарных сосудов (Переяслав-Хм., погр. 6/1954, 8/1954). **Тип IV** составляют погребения в катакомбах. К нему относится погребение 14 могильника Родной Край 1, конструкцию погребального сооружения которого в отчете по раскопкам их автор определил как катакомбу с двумя входами (Петренко, 1982, С.7). Там присутствует большое количество сосудов, в том числе и лепной горшок (Петренко, 1991, рис.10).

Группу II составляют погребения-кремации с лепными сосудами «сарматской традиции». Здесь **тип 1** образуют урновые кремации с вариантами: 1) лепной горшок в качестве урны (Компанийцы, погр. 9, 50,78,139); 2) лепные горшки в качестве урны и сосуда-приставки (Компанийцы, погр. 41); 3) фрагменты лепного горшка использованы в качестве покрытия урны (Компанийцы, погр. 173). В **тип 2** входят ямные кремации с вариантами: 1) фрагменты лепных горшков в покрытии погребения (Родной Край, погр. 12; Компанийцы, погр. 56, 72, 132). Обращает на себя внимание то обстоятельство,

что почти все кремации «сарматской традиции» сосредоточены почти исключительно на могильнике Компанийцы. Специфика данного памятника проявляется помимо всего прочего и в совместном присутствии в погребениях 56 (кремация), 60 (ингумация) лепной керамики различных традиций, в том числе и сарматской.

Группу III образуют погребения-кенотафы с большим количеством гончарных сосудов и остатками жертвенной пищи с ножом (Родной Край 1, погр. 4).

По датирующим материалам погребения «сарматской традиции» на могильниках региона относятся к ступеням С3, С3/D1, D1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гей О.А. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре // *Stratum plus*. - 2001-2002. - №4. - С.296-314.

Петренко Е.Н. Отчет об исследованиях Черняховской экспедиции в 1982 г.- Харьков, 1982.- НА ИА НАНУ. - 1982/113.

Петренко Е.Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // *Археология славянского Юго-Востока*.-Воронеж. - 1991.- С.10-26.

Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. - М. - 1978. - С.99-107.

ПОДПИСИ ПО РИСУНКОМ

Рис.1. Некоторые погребения «сарматской традиции» на могильнике Войтенки и лепные горшки из этих погребений: I - № 54; II - № 43; III - № 51; IV - № 41.

Магомедов Б.В., Діденко С.В.

(Київ, Україна)

ДОСЛІДЖЕННЯ ЧЕРНЯХІВСЬКОГО МОГИЛЬНИКА

У С. ЛЕГЕДЗЕНЕ НА ЧЕРКАЩИНІ ПРОТЯГОМ 2008-2009 РР.

Протягом двох сезонів Черняхівський загін в складі Трипільської експедиції Інституту археології НАН України досліджував могильник, що

знаходиться на околиці села Легедзене Тальнівського району Черкаської обл. За цей час на площі 176 м² виявлено 26 поховань (15 кремацій і 11 інгумаций). Одинадцять кремацій були в ямах без урн, решта – урнові поховання. Більшість поховань-тілопокладень здійснена в протих ґрунтових ямах, одне в ямі з підбоєм. У восьми похованнях скелети лежали головою на північ, в трьох – на захід. Майже всі скелети (крім одного) були в різній мірі поруйновані. Деякі поховання не містили речей (або ж речі були вилучені при руйнуванні могил).

У культовому шарі на розкопаній площі було знайдено 7834 уламки посудин пізньоримського часу. Практично всі вони перепалені і переважно належать до гончарного посуду. Ліпних фрагментів нараховано лише 20 екземплярів (0,3 %). Серед них трапляються уламки з «хрповатою» поверхнею, характерною для горщиків вельбарського та пшеворського типів. Більшість цілих посудин походять з поховань з інгумаціями і значно менше з кремацій. Серед звичних типів черняхівської кераміки унікальною формою є сіроглиняна амфора, місцеве наслідування імпортом гераклеїським виробам. До рідкісних типів відносяться дворучна ваза і напівсферична миска з «кухонного» тіста. Єдиною цілою ліпною посудиною є миска, яка перекривала тілоспалення 12. Незвичайною знахідкою для могильника лісостепової зони є імпортна миска із слідами червоного лаку. У похованнях і в культовому шарі могильника знайдено сім двочленних підв'язних фібул і одна пластинчата, декілька бронзових і залізних пряжок, дві залізні відерцеподібні підвіски і одна золота підвіска у вигляді кільця. У похованні 16 (тілопокладення) знайдено 9 підвісок: три срібні лунниці, три срібні прямокутні підвіски, а також три шкіряні круглі підвіски. З цього ж поховання походить намисто з 18 сердолікових і двох перламутрових намистин. У інших похованнях і в шарі знайдені сердолікові, різні скляні і одна коралова намистини. Також на могильнику знайдені три рогових і один залізний гребінь, бронзові пінцети, керамічні прясельця, залізні ножі. За наявними матеріалами могильник можна датувати цілим 4 століттям. Дослідження пам'ятки буде продовжено.

ЖЕНСКИЙ ЧЕРНЯХОВСКИЙ КОСТЮМ С ДВУПЛАСТИНЧАТЫМИ ФИБУЛАМИ

Как известно, женский костюм черняховской культуры типичен для восточных германцев позднеримского времени. Он характеризуется присутствием пары арбалетных или двупластинчатых фибул. Фибулы располагаются парами на плечах или груди, известны случаи, когда погребение содержало три, и даже четыре фибулы. Количество фибул, кстати, является определяющим для типологии восточногерманского костюма, предложенной М. Мончиньской (Tempelmann-Maczyńska, 1989).

Прототипом женского черняховского костюма является убор вельбаркской культуры на территории Польши и Западной Белоруссии. Черняховский костюм, однако, отличается от центральноевропейского. В нем практически отсутствуют или крайне редки, украшения головы, в частности булавки, элементы поясной гарнитуры (кроме пряжек), браслеты, перстни, гривны. Позднее, в эпоху Великого переселения народов, черняховский костюм с двупластинчатыми фибулами послужил базой для формирования «княжеского» убора, широко распространившегося вплоть до Галлии, Испании и Северной Африки (Мастыкова, Казанский, 2005; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, P. 201,202). В постгуннское время «демократические» реплики этой престижной моды существуют у восточногерманских групп Испании, Галлии, Крыма и Северного Кавказа.

Погребения с парными фибулами составляют на черняховских могильниках, согласно М. Мончиньской, примерно 36% от всех женских могил, а погребения с одной фибулой – 28% (Tempelman-Maczyńska, 1989, S. 78). Как уже отмечалось, известен ряд погребений с тремя и даже четырьмя фибулами. Наконец, существует и многочисленная группа женских погребений, не содержавших фибул. По М. Мончиньской они составляют 37%

от общего числа достоверно женских черняховских могил. В этом случае они чаще всего определяются как женские по наличию кольца из бус.

Женский черняховский костюм с парными фибулами приобретает свой окончательный облик в последующий период, С3 (310/330 – 360/370 гг.), когда помимо арбалетных в нем появляются малые (менее 8 см) двупластинчатые фибулы. Их прототипами, скорее всего, послужили двупластинчатые германские фибулы Северной и Центральной Европы периода С2 (260/270 – 300/320 гг.) с богатым декором, явно имевшие престижное значение и встречающиеся в «княжеских» погребениях, таких как Закшув в Силезии (Магомедов, 2001, С.68).

Убор с двупластинчатыми фибулами распространен по всей территории черняховской культуры, за исключением ее северо-западной части (Волынь, Галичина и северо-западная Подолия). Вне черняховского ареала ношение малых парных двупластинчатых фибул отмечено в Крыму, на Нижнем Дону, на Среднем Дунае, на Северном Кавказе, на Южном Урале, в Италии, на территории Франции, Испании и Северной Африки. Их распространение в ряде случаев свидетельствует о расселении варваров, пришедших из черняховской зоны, в других случаях речь идет о моде восточногерманского, точнее готского происхождения.

Можно выделить три основных типа костюма с двупластинчатыми фибулами:

- костюм с тремя фибулами (Рис. 1, 1). Использование двупластинчатых фибул в таком уборе встречается довольно редко и известно только в западной половине черняховской зоны, к западу от Прута, на территории заселенной визиготами и тайфалами. К числу надежных примеров относится погребение 9 на могильнике Изворул в Мунтении.

- костюм с двумя фибулами (Рис. 1, 2-4). Он встречается очень часто и распространен по всей территории черняховской культуры. В него входят как двупластинчатые, так арбалетные фибулы. Как правило, двупластинчатые фибулы в таком уборе парные, хотя имеются и исключения.

- костюм с одной фибулой (Рис. 1, 5, 6). Он также широко представлен на черняховских памятниках.

Женский костюм с двупластинчатыми фибулами во многом идентичен более распространенному в черняховской культуре и возникшему несколько ранее убору с арбалетными фибулами, последний бытует в течение всего периода существования черняховского костюма. Все же есть и некоторые различия – погребения с двупластинчатыми фибулами никогда не содержат янтарных грибовидных подвесок, «молоточков Тора», прямоугольных и луновидных металлических подвесок, металлические подвески-ведерки в погребениях с двупластинчатыми фибулами крайне редки. Следует также отметить, что в костюме с арбалетными фибулами несколько раз отмечено помещение обеих фибул на одно плечо. Такая позиция застежек ни разу не наблюдалась в погребениях с двупластинчатыми фибулами.

Вполне возможно, костюм с двупластинчатыми фибулами являлся престижным у населения черняховской культуры. Видимо не случайно «княжеский» женский костюм эпохи Великого переселения народов, известный в европейском Барбарикуме по погребениям икладам горизонтов Унтерзибенбрунн и Смолин, в значительной степени формируется на базе позднечерняховского женского костюма с двупластинчатыми фибулами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. - Lublin. - 2001.

Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II. Городцовские Чтения. М. - 2005. -С. 253-268.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas – Empire et à l'époque des Grandes Migrations. – Oxford. - 2006.

Tempelmann-Maczyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. – Kraków. - 1989.

ПОДПИСИ ПОД РИСУНКОМ

Рис. 1. Типы черняховского костюма с двупластинчатыми фибулами.

1: тип 1; 2-4: тип 2; 5,6: тип 3.

ЛІПНА КЕРАМІКА ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОЇ ТРАДИЦІЇ З РАННІХ ПАМ'ЯТОК ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ.

Кераміка черняхівської культури, як один з основних культуровизначальних факторів, завжди привертала увагу дослідників. Але більшість науковців акцентувала свою увагу на гончарній кераміці. Ліпний посуд розглядався, здебільшого, у монографічних працях в контексті керамічного виробництва, а декілька спеціальних статей були написані досить давно та потребують більш детального дослідження. Аналізуючи керамічні матеріали черняхівських поселень Дністра та Західного Бугу, В.Д.Баран виділив групу кераміки (тип 6), витoki якої знаходив у пшеворській культурі (Баран, 1981, С. 81,155). Г.Ф. Нікітіна, аналізуючи ліпну кераміку черняхівської культури, відзначала сильні центральноевропейські впливи (Нікітіна, 1966). О.В.Гудкова, розглядаючи ліпну кераміку ранньої черняхівської культури, відзначала відсутність сарматських, пізньозарубинецьких і пізньоскіфських та домінування вельбарських і пшеворських елементів, невеликий відсоток дакійських форм у керамічному комплексі (Гудкова, 2003-2004).

Проте, матеріали Ружичанської фази (за Є.Л. Гороховським) могильників Чернелів-Руський та Токи демонструють окрім вельбарських форм ще й ліпну кераміку сарматського зразка (Герета, 1989, С.289), а поховання з Ружичанки – форми близькі до зарубинецьких (Винокур, 1979, С.128). Поселення раннього етапу черняхівської культури також відображають її етнічну строкатість. На поселенні Черепин разом із слов'янською знайдена ліпна кераміка дакійського та германського кола. Журавка Ольшанська окрім вельбарського має також пізньоскіфський та слов'янський елементи у комплексах ліпної кераміки

(Обломський, 1998, С. 60-62). Вельбарсько-пшеворські культурні елементи є у матеріалах поселень з Малополовецького та Великої Снітинки.

Ареал розповсюдження форм ліпної кераміки північно-західної традиції на ранньому етапі черняхівської культури охоплює не лише Правобережжя Дніпра (Середнє Подніпров'я та Поділля) у суттєвій близькості до носіїв вельбарської культури, а й територію на схід від Дніпра та Крим. Зокрема, ліпні посудини, близькі до германських, містяться у таких могильниках як Чорноріченський, Дружнє, Усть – Альмінський та ін. (Власов, 1999, С.327-329) Цей факт добре ілюструє просування германських племен III ст. н.е., зафіксоване письмовими джерелами та їх вагомий внесок у створення черняхівської культури.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

Баран В.Д. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. - К.-1981.

Винокур І.С. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. - М. - 1979.

Власов В. П. Лепная керамика из некрополя III – IV вв . н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. - К. - 1999.

Герета М. П. Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии и вельбарская культура // KWMOR. - Т. II. - Lublin. - 1989.

Гудкова А. В. Лепная керамика ранней Черняховской культуры // Stratum plus - №4 - "Между певкинами и феннами". – Кишинев. - 2003-2004.

Обломский А.М. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. - №13. -Минск. - 1998.

Милян Т.Р., Осаульчук О.М.

(Львів, Україна)

ВОДОЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПОСЕЛЕННЯ ЙОСИПІВКА-3

У ВЕРХІВ'ЯХ ЗАХІДНОГО БУГУ

Предметом нашого дослідження стали матеріали, отримані під час рятівних археологічних досліджень на поселенні вельбарської культури

Йосипівка-3 у Львівській області. Воно займає північно-східні, східні та південно-східні пологі схили, які опускаються до заболоченої долини р. Покрова та її приток. Пам'ятка піднята на висоту до 8 м над рівнем долини та далі займало площу на верхів'ях останця. Поселення витягнулося з північного заходу на південний схід та займало площу до 10 га.

Під час розкопок на поселенні було виявлено рештки більш як сотні об'єктів. Це залишки кількох заглиблених жител, господарські споруди як наземні, так і заглиблені, відкриті вогнища, майстерні, огорожа окремих господарств та інші конструкції, зокрема, колодязі.

Культурний шар поселення сильно пошкоджений багаторічними сільськогосподарськими роботами. Це було причиною того, що наземні та ледь заглиблені об'єкти у верхніх частинах були практично зруйнованими. Вдалося зафіксувати лише рештки, починаючи від рівня материка.

Зважаючи на місце розташування поселення, цікавою видалася система його водозабезпечення. У межах ресурсної зони пам'ятки існували значні водні ресурси – на півночі р. Покрова та її притока у південному напрямку, які практично ізолювали останець від навколишнього середовища. Таким чином, можна припустити про домінування на поселенні практики поповнення водних запасів води із відкритих природних джерел.

Однак під час досліджень широкою площею було зафіксовано дещо відмінну картину. На площі приблизно у 12 тис. м кв. було виявлено залишки трьох криниць. Вони були зосереджені двома групами, одна мала два колодязі, друга – один, відстань між якими становила до 50 м. Виявлена конструкція у всіх об'єктів була практично однакова. Всі орієнтовані кутами за сторонами світу. У яму глибиною до 2 0-2,2 м було опущено дерев'яну конструкцію. Основу дерев'яної конструкції становило одне вінце із колод товщиною 16-20 см, з'єднаних по кутах між собою дерев'яними клинами. Така конструкція була підквадратної форми із розмірами стінок 0,9-1,0 м. Вздовж цих колод було виставлено вертикально дошки, шириною 12-17 см, що становили стінки колодязя. На деяких із них були сліди від обпалювання. Додатково простір

ззовні між дошками та котлованом колодязя був забутований камінням середніх розмірів або укріплений дерев'яними колодами, діаметром до 15 см.

Під час експерименту було розчищено рештки такого колодязя у межах земляного котловану. Заповнення його становило приблизно 1100 літрів. Вода після заповнення стабільно перебувала на одній відмітці, а повне заповнення відбувалося за 12-14 годин.

У ході робіт було встановлено, що виявлені колодязі існували дещо менший час, ніж саме поселення. Про це свідчить руйнування верхніх частин, де було виявлено значну кількість кісток тварин, посуду, який належав до кінця III – початку IV ст.

Самі ж колодязі виступали у комплексах з виробничими спорудами, де було виявлено велику кількість перепаленої глини, вапна. Таким чином, можна зробити припущення про їхнє використання більш у «виробничій» сфері. Додатковим підтвердженням цього може слугувати і їхнє нетривале використання.

Мызгин К.В.

(Харків, Україна)

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПОСТУПЛЕНИЯ РИМСКИХ МОНЕТ К НОСИТЕЛЯМ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В хронологическом и типологическом отношении римские монеты, обнаруженные в ареале черняховской культуры, представляют собой довольно неоднородную массу. К наиболее массовым находкам относятся монеты чеканки I-II вв. (78,9 %), в большинстве случаев представленные серебряными денариями, выпущенными в период правления от Траяна до Септимия Севера. Значительно меньшее количество (9,4 %) представлено эмиссиями III в. - в основном это медные и бронзовые номиналы. Монеты IV в. (9,5 %) также представлены, как правило, бронзовыми и медными номиналами, значительно реже - серебряными монетами (селиквами). Наименьший процент составляют

эмиссии конца IV - середины V вв. (2,2 %): медные и золотые монеты (Мызгин, 2008, С. 53-58). Разнотипность и хронологическая неоднородность находок римских монет в ареале черняховской культуры свидетельствует о наличии нескольких источников их поступлений в варварскую среду.

На сегодняшний день во взглядах исследователей на проблему источников поступлений римских монет к носителям черняховской культуры можно выделить две основные концепции: торговую и военно-политическую (Мызгин, 2008, С. 50-52; Мызгин, 2009, С. 45). В последнее время, рядом исследователей поддерживается точка зрения, согласно которой в разные этапы развития культуры определенную роль играли различные источники поступлений: как торговые, так и военно-политические (Пивоваров, 1999, С.22; Щукин, 2005, С. 202; Магомедов, 2006, С. 45-46; Шаров, 2007, С. 34-35; Мызгин, 2008, С. 51-52).

Проблему поиска источников поступлений монет, выпущенных в период между III и серединой V вв. значительно упрощает факт их синхронности черняховским древностям. В некоторых случаях это дает возможность сопоставления исторических событий и археологических явлений с причинами и временем поступлений монет. Так, хронологически монеты III в. отвечают времени формирования черняховской культуры, а большая их часть синхронна событиям Готских войн 230-270-х гг., в процессе которых, как считается, происходило формирование культуры (Магомедов, 2001, С. 134-139). Часть медных и бронзовых монет середины III в., обнаруженная в черняховском ареале, отчеканена в провинциально-римских городах, повергшихся готскому разграблению, что позволяет относить эти монеты к военной добыче. Та же ситуация обстоит и с более поздними монетами: после подписания в 332 г. мирного договора характер отношений между варварами и Империей изменился в сторону активного торгового и военного сотрудничества. По всей видимости, с этим сотрудничеством связаны находки монет IV-V вв., в большинстве своём известные западнее Днестра, то есть в непосредственной близости к римскому лимесу и, соответственно, к римским рынкам торговли (Мызгин, 2008, С. 52-53).

Гораздо сложнее обстоит ситуация с установлением источников поступлений монет «ранней» чеканки, находки которых в ареале черняховской культуры повсеместны. Преобладание этой группы монет среди нумизматических находок в ареале черняховской культуры исследователями традиционно объясняется особой приверженностью германцев к серебру (Кропоткин, 1961, С. 27; Пивоваров, 1999, С. 21-22; Магомедов, 2001, С. 111 и др.). Это подтверждают письменные источники (Тас., Germ., V; Dio Cassio, LXXXII, 14), сообщающие о германских племенах, обитавших в первой четверти I тысячелетия н.э. между Рейном и Вислой. Тем не менее, эти свидетельства говорят только об использовании монет, но не раскрывают вопроса путей их поступления в варварскую среду.

Письменные и археологические источники не могут ни подтвердить, ни опровергнуть торговую природу римских монет ранних чеканок. Проблема заключается в заинтересованности варваров в таком виде поставок. Если таковые и были, то, происходили ли они весь период существования черняховской культуры? На наш взгляд, зачатки товарно-денежных отношений внутри черняховского общества возникли довольно поздно, начиная со второй четверти IV в., на землях, находившихся вблизи от римского лимеса, когда на территории Империи монеты старого образца (200-300-летней давности) практически исчезли из обращения. На ранних же этапах развития черняховской культуры слабо верится в активные торговые отношения между варварами и Римом. Начиная с середины III и вплоть до первой четверти IV в. они имели преимущественно другой характер - постоянных военных конфликтов, наиболее крупными из которых были Готские войны 230-270-х гг.

Роль Готских войн в накоплении варварами римских монет ранней чеканки в разное время оценивалась исследователями по-разному: от полного отрицания этой роли (Брайчевский, 1959, С. 105-107, 109-110) до определения её как основной (Лавров, 2003, С. 349, 352; Бейдин, Григорьянц, Любичев, 2006, С. 111-12)⁹ Мы также были склонны видеть в этих событиях значительный источник поступлений римских монет (Мызгин, 2009, С.46). По крайней мере, картографирование монет I-II вв. и монет III в. показывает, что

территории их распространения практически идентичны. Это указывает на то, что монеты обеих хронологических групп монет попали к варварам одновременно и также синхронно распространились в черняховской среде, а их источники имеют общую природу (Мызгин, 2009, С.45-46). Прямые сведения попадания к варварам большого количества денег во время разграбления провинциальных городов содержатся в труде Зосима (Zos., I. 33,3; I. 35).

Тем не менее, анализ письменных источников и нумизматических материалов свидетельствует, что далеко не вся масса монет ранних чеканок поступила исключительно в период Готских войн. Часть из них попала в виде субсидий еще задолго до их начала, о чем сообщают древние авторы. В частности, Иордан так говорит о причинах начала массовых вторжений готов в пределы Римской империи: «Готы же, после того, как у них была отнята стипендия, что случалось обычно, переносили это с неудовольствием и из друзей стали врагами. Они, хотя и жили в отдалении под управлением своих королей, были федератами римского государства и получали ежегодное вознаграждение...» (Iord. Get., 89). Таким образом, денежные выплаты варварам совершались еще и до начала войн, а их прекращение или возобновление было делом «обычным». Денежные выплаты во многом сдерживали натиск на римские границы германских племен (видимо, и восточных германцев в том числе). Подтверждается это сообщением Геродиана, по словам которого Александр Север «...обещал доставить им (т.е. германцам – М.К.) все, в чем они нуждаются, и не жалеть денег. Это последнее особенно убедительно для германцев, людей сребролюбивых и всегда продающих римлянам мир за деньги...» (Herod., VI. 7, 9). Мир с германскими племенами за деньги покупал Каракалла (Dio Cassio, LXXXII, 14). С одной стороны, такая политика Рима приносила свои ощутимые результаты - римляне приучили вождей древних германцев принимать деньги (Tac. Germ. XV; Dio Cassio LXXVII, 14) и держать свои границы в безопасности. С другой стороны, прекращение таких выплат было всегда чревато недовольством варваров, как это случилось в 238 г. Думается, что не последнюю роль в прекращении выплат в 30-х гг. III в. сыграл и финансовый кризис в Империи. В результате кризиса значительно упало

содержание серебра в монете, а массовые выплаты варварам полновесными серебряными монетами ранних чеканок имели усугубляющий характер для римской экономики. Снижение или полное прекращение выплат могло быть одним из поводов для начала грабежей, в процессе которых полновесная серебряная монета насильно изымалась варварами из городских и храмовых хранилищ.

В этой связи мы сталкиваемся с новыми вопросами: во-первых, какой количественный характер имели денежные выплаты, осуществляемые до начала Готских войн, а во-вторых, с какого времени они начинаются? Решение первого вопроса видится нам практически невозможным - на территории черняховской культуры монеты I-II вв. известны повсеместно, встречаются в кладах совместно с монетами IV в., а в единичных случаях - и в закрытых комплексах, датирующихся в пределах ступеней C3-D1. Решение второго вопроса более реально, но вряд ли ответ на него стоит искать при анализе монет, обнаруженных на территории только черняховской культуры. Маловероятно, что знакомство варваров с серебряными монетами началось в конце II или начале III вв. По-видимому, это произошло гораздо раньше, а распространение римских монет в черняховской среде является более ранней традицией их использования, корни которой следует искать в предшествующих культурах германского круга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Любичев М.В. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. - Харьков. - 2006. - С. 110-143.

Брайчевський М.Ю. Римська монета та територія України. - К.- 1959.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. - 1961. - Вып. Г 4-4.

Лавров В.В. Готские войны III в. н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. - СПб. - 2003. - С. 332-352.

Магомедов Б.В. Монети як джерело до історії племен черняхівської культури // Археологія. - 2006. - № 4. - С. 46-52.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin. - 2001.

Мызгин К.В. К вопросу о времени поступления римских монет в среду черняховского населения // ВХНУ.– Вип. 40: Історія. – № 782. – 2008. – С. 50-63.

Мызгин К.В. К вопросу об источниках поступлений римских монет к населению черняховской культуры // Тези Міжнародної наукової конференції «Східноєвропейські старожитності в добу середньовіччя». – Чернівці. - 2009. – С. 45-46.

Пивоваров С. Римські монети в старожитностях черняхівської культури // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. – Чернівці. - 1999. – Т.2. - С. 14-35.

Шаров О. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами (краснолаковая керамика). - СПб. - 2007.

Щукин М.Б. Готский путь. – СПб. - 2005.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВХНУ – Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна

САИ – Свод археологических источников

Обломский А.М.

(Москва, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАНАИСЕ.

Танаис – самая северо-восточная греческая колония, которая расположена в устье Дона. Город основан в эллинистический период, затем, пережив серию разгромов и перестроек он существовал до середины III в.н.э., когда был окончательно разрушен в ходе готских или скифских войн. После этого на территории Танаиса уже в гуннский период возникает новое поселение. Доклад посвящен исследованию именно его материалам. Для реконструкции состава населения важны сведения о планировке поселения, домостроительстве, лепной и некоторых категориях гончарной керамики.

Основы изучения позднего Танаиса были заложены Д.Б. Шеловым в 60-е – начале 70-х гг. Тогда же им были сформулированы два основополагающих принципа:

1. Между пожаром середины 3 в. и поздним периодом в Танаисе происходит смена населения.

2. Новое население каким-то образом связано с черняховской культурой.

Впоследствии эти положения получили дальнейшее развитие в трудах А.К. Амброза и Т.М. Арсеньевой, которая сейчас возглавляет танаисскую экспедицию. В целом, с этими выводами я согласен, но мне кажется, что их необходимо конкретизировать. Территория черняховской культуры чересчур велика, а сама она очень разнообразна в проявлениях. Очень важно определить конкретный район, население которого продвинулось в Танаис.

Планировка поселения изучена в центральной части городища и на его южном крае – на раскопе 19. Постройки расположены рядами. Между домами заметны проходы или переулки. Сооружения Танаиса гуннского времени делятся на 3 фазы или строительных горизонта, но все они "вписываются" в эту структуру, которая возникает уже на первой, самой ранней, фазе. Поселение, таким образом, строится сразу и по единому плану. При этом планировка позднего Танаиса отличается от города римского времени. Улицы проходят по-другому, иначе расположены дома. Более ранние постройки в гуннский период, как правило, не используются.

Домостроительство Танаиса. Стены всех домов позднего этапа в Танаисе построены из камня на грязевом растворе, в котором видят донской речной ил. Глина в качестве связующего раствора использовалась крайне редко. Мною по отчетам и публикациям собраны данные о 47 домах, планировку которых можно восстановить. Почти все эти дома углублены в грунт, иногда до 1,8 м (не считая подвалов – те еще более глубокие), но, как правило, до 0,6-1 м. Стены сооружений обычно однофасовые (фас – с внутренней стороны помещения). Каменные цоколи нижней части помещений служили для опоры глинобитных стен. Были и наземные дома, но их мало – всего пять. Известны два подвала. Дома отапливались открытыми очагами и купольными печами, сооруженными при помощи камня и глины. В некоторых случаях в домах прослежены легкие деревянные перегородки и каменные

хозяйственные загородки. Наиболее широко распространены прямоугольные однокамерные малые площадью до 20 кв. м и большие дома (20-51 кв. м), встречаются многокамерные постройки, овальные дома небольших размеров редки, подвалы единичны.

Теперь обратимся к черняховским материалам. На территории черняховской культуры каменные дома распространены в Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Поднепровье.

По данным Э.А. Симоновича, Б.В. Магомедова, А.В. Гудковой в этом регионе распространены как многокамерные дома, иногда соединенные какими-то стенами (Кисёлово, Каменка-Анчекрак и др.), так и однокамерные меньших размеров (Атаманка, Дарьевка, Ильинка, Мирное и др.).

Как и в Танаисе, для скрепления камней использовался грязевой раствор. Стены построек иногда реконструируют, как каменные по всей высоте (Каменка-Анчекрак). А.В. Гудкова приводит данные о постройках с каменным основанием и глинобитным верхом.

Планировка черняховских поселений, как правило, была усадебной, но известен памятник (городище Александровка), где постройки стояли рядами.

Дома отапливались открытыми очагами, но в Причерноморье применялись и купольные печи (Викторовка, Главаны-1).

Существенным отличием от Танаиса является тот факт, что на черняховских памятниках каменные дома никогда не углублялись в грунт, хотя полуземлянки разной планировки известны по всей территории черняховской культуры, включая Причерноморье. В Танаисе, как бы, происходит слияние двух идей: каменного дома и полуземлянки.

Керамика. В позднем Танаисе лепная посуда резко преобладает. Полной статистики нет, но по опубликованным данным она составляет не менее 60%, а зачастую и больше.

Т.М. Арсеньева указала на сходство лепных столовых мисок из позднеантичного Танаиса с гончарными черняховскими прототипами. В черняховском гончарстве, по-видимому, имеют истоки и два основных типа столовых лепных танаисских кувшинов: биконические и округлобокие.

Некоторые лепные миски имеют каннелюры по ребру (Рис. 1). По наблюдениям Э. Шульце, этот орнамент становится популярным у черняховского населения в IV в.

Прочая керамика Танаиса в типологическом отношении может быть условно поделена на четыре набора.

К *первому* относятся груболепные округлобокие горшки с изогнутым, отогнутым наружу венчиком, такие же сосуды, но с прямыми раструбообразными венчиками, а также с прямыми шейками и отогнутыми наружу краями венчиков, миски-плошки на полых поддонах и крышки (Рис. 2).

Набор очень близкой посуды широко распространен на с черняховских поселениях зоны каменного домостроительства. На территории черняховской культуры он считается маркером ираноязычного населения и восходит к позднескифской керамике первых веков н.э.

В Танаисе представлена и лепная посуда германской традиции: низкие и высокие ребристые миски с зигзаговидным профилем, каждый перегиб которого подчеркнут гранями (Рис. 3: 1-7). Аналогии подобным сосудам распространены на памятниках поздней вельбарской культуры Центральной Европы, а также повсеместно на территории черняховской. Считается, что они связаны с готским этническим элементом. Есть такие формы и в Северо-Западном Причерноморье.

Второй набор составляют неоднократно встреченные обломки кувшинов с зооморфными ручками. Подобная деталь орнаментации совершенно чужда черняховскому керамическому комплексу, зато типична для аланских памятников Северного Кавказа и близкой этнической среды Юго-Западного Крыма. Северокавказскими по происхождению считаются в Танаисе округлобокие гончарные кувшины с пролощенными вертикальными полосами (Рис. 4).

Третий набор. Д.Б. Шелов опубликовал небольшую серию лепных биконических горшков из Танаиса. К сожалению, в тех комплексах, материалы которых имеются у меня, кроме одного случая, они не встречены (Рис. 3: 8-11). Вероятно, на территории памятника эта керамика имела какое-то локальное

распространение. Тем не менее, она очень показательна. Эти формы, в особенности с насечками на венчиках, характерны для раннеславянской киевской культуры и памятников ее круга лесостепного Поднепровья и Подонья.

К *четвертому набору* относится керамика, которая представляет собой результат собственного творчества населения Танаиса, очевидно, под влиянием позднеантичных традиций: плоски с прямыми краями, лепные светильники и подсвечники (Рис. 5).

Следы присутствия кочевников в Танаисе неоднозначны и очень немногочисленны. Тем не менее, в слое позднеантичного поселения обнаружены несколько деталей сложных луков и серия (около десятка) костяных стрел.

Таким образом, домостроительство и лепная керамика свидетельствует, что большинство его населения составляли выходцы из южного (причерноморского) региона черняховской культуры, как условно ираноязычной, так и германской традиций. Это население уже практически утратило навыки производства черняховской гончарной посуды, но широко пользовалось в быту подражающими ей мисками и кувшинами. Наличие небольшого количества лесостепной по происхождению керамики раннеславянского (киевского) круга и северокавказско-крымской, указывает на присутствие среди населения позднего Танаиса небольших групп выходцев из этих регионов. Население поселка, следовательно, было смешанным, причем перемещенным с довольно отдаленных территорий.

Позднее поселение в Танаисе строится в раннегуннский период сразу по единому плану. Здесь практически не зафиксированы следы ремесла, не было даже своего гончарства.

На фоне всего этого Танаис поражает обилием импортной керамики: амфор в первую очередь. Довольно много и красного лака. По С.И. Безуглову денежное обращение на позднем этапе отличается от боспорского: довольно много римских монет. Отмечены связи населения Танаиса и верхнего Подонья (памятников типа Чертовицкого-Замятино) в гуннский период. Скорее всего,

Танаис был портом гуннской державы, построенном для обеспечения торгового пути по Дону.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, грант №08-01-91102а/У.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис.1. Лепная столовая керамика

Рис.2. Груболепная посуда первого набора ("иранская" традиция)

Рис.3. Лепные столовые миски первого набора ("германская" традиция; 1-7); груболепная керамика третьего набора (8-11).

Рис.4. Обломки лепных (1-3) кувшинов и гончарный кувшин (4) второго набора

Рис.5. Лепная керамика четвертого набора

Радюш О.А.

(Москва, Россия)

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК У ПОСЕЛКА ИМ. КАРЛА ЛИБКНЕХТА (ПЕНЫ) И ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ КУРСКОГО ПОСЕМЬЯ.

Несмотря на предполагаемую ранее «сплошную исследованность» региона Среднего Посемья в последние годы были открыты и исследованы несколько целый ряд памятников датируемых позднеримским временем. Все они расположены в нижнем течении р.Реут – крупнейшего левого притока р.Сейм, впадающего в него в районе пос.Иванино Курчатовского района Курской области, на ближайших левых притоках Сейма р.Бык, Ворожба, Дичня и др. и также по правому берегу Сейма. Разведки и раскопки 2005-2009 гг. позволили получить более подробные данные о заселение микрорегиона в позднеримское время.

Поселения распространены по всей территории микрорегиона практически на всех реках и ручьях (Рис. 1). Они известны как в верховьях, так и в среднем течении и в устьях. Обычно с этим связана и позиция в ландшафте - от краев оврагов и террас до высокой поймы. Расстояние между поселениями в наиболее обследованных участках составляет 4-6 км. Высота от водного

источника или дна балки колеблется от 3-4 до 10-15 м. Тип расселения близок черняховскому среднеднепровскому (Шишкин, 1999, С. 129). Специально проведенная разведка верховий рек и ручьев на водоразделе бассейна Сейма и Псла подтвердила практически повсеместную распространенность материалов черняховского периода (Рис. 1).

Интересными и заслуживающими особого внимания стали находки, сделанные на территории городищ по правому берегу р.Сейм (Люшинка и Кудеярова гора), где были обнаружены следы напластований черняховского времени (денарии, амфоры, гончарная посуда). Можно предположить, что это могли быть небольшие наблюдательные пункты, с которых просматривалось течение Сейма. Известен также клад римских монет на Ратском городище в устье р.Рать. Предполагается провести обследование укреплений по правому берегу р.Сейм для подтверждения данной гипотезы.

Вещи круга варварских эмалей, относящиеся, вероятнее всего, к дочерняховскому этапу, найдены в четырех пунктах микрорегиона (Радюш, в печати). В двух известных случаях они относятся к площади поселений, содержащих слои черняховского периода (Полевая Лукашевка, Гупова), в одном случае это дюна в пойме р.Сейм (Малютино).

В настоящее время ведутся планомерные полевые исследования поселения Пены на окраине пос. им. К.Либкнехта на границе Курчатовского и Льговского районов Курской области. Памятник является одним из крупнейших по размерам в среднем Посемье и наиболее удобными для исследования из поселений подобного уровня. Селище расположено на обоих берегах обводненной балки Пенка.

Магнитометрические исследования на памятнике ведутся регулярно с 2007 года. За это время обследованы четыре участка поселения и один на могильнике, общей площадью 2,5 га. Выявлены четыре усадебных комплекса, на которых постройки располагаются рядами с ориентировкой стен по линии СЗ-ЮВ.

Исследована одна усадьба в центральной части правобережной территории поселка (площадь раскопа 2007-2008 гг. – 310 м²). Изучена одна

наземная трехкамерная жилая постройка площадью 60 м² с двумя наземными очагами и легкая наземная постройка – обе каркасно-столбовой конструкции. Массовый материал представлен фрагментами круговой сероглиняной гончарной посуды черняховских типов (миски, горшки, кубки, кувшины), лепной различного качества и типов и фрагментами античных амфор. Общее число находок составляет 2600 ед. Соотношение круговой и лепной посуды в целом по раскопу 45% и 55% соответственно. В постройке найдена бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула. Еще три фибулы обнаружены в слое вокруг хозяйственной постройки (среди которых еще одна двучленная, но меньших размеров; железная с широкой спинкой; бронзовая типа «bugelknopfibel» с ножкой подромбической формы. По всей видимости, жители усадьбы занимались ремесленным производством: найдены многочисленные шлаки и выплески цветного металла, опилки рога и кости, заготовки для изготовления проколов, обломок составного костяного гребня с высокой выделенной спинкой, точильные камни. Семь пряслиц, одно из которых орнаментировано орнаментом в виде «руноподобных» насечек и более 30 целых и фрагментированных грузил пирамидальной, шаровидной, лепешковидной, кубической форм обнаружены в слое рядом с постройками. Среди других находок - обломки узколезвийных топоров, ножи, стеклянные бусины и бисерины. В слое рядом с хозяйственной постройкой обнаружен римский денарий императора Коммода. Материалы поселения позволяют датировать памятник от фазы С2 до фазы D1. Усадьба 1, судя по характерным материалам, вероятнее всего, относится к позднему и финальному этапу заселения территории поселка.

Могильник в микрорегионе обнаружен в одном случае - возле поселения Пены. Он расположен в 50-100 м к западу от поселения выше по склону на небольшой естественной площадке. Два погребения, выявленных к настоящему моменту, совершены по обряду кремации, в одном случае присутствовала миниатюрная лепная урна. И в первом и во втором случае в состав инвентаря входила круговая керамика. В первом погребении найдены фрагменты трехручной вазы и фибула со следами пребывания в огне. Ко

второму погребению, вероятно, относились несколько сердоликовых бусин и обломок тонкостенного стеклянного сосуда. Среди находок, найденных на распашке на площади могильника присутствовали: фибула типа «Vugelknopffibeln» с паяными кнопками, коротким иглоприемником, со следами пребывания в огне; калачевидная пряжка, бусы пастовые и сердоликовые. Вероятнее всего, исследованные погребения относятся к периферии могильника, и, судя по костным материалам кремированные, были детьми или подростками.

Раскопанный участок поселения и материалы погребений можно признать синхронными. Наличие более ранних участков на поселении подтверждается находками 4 фибул группы VII по О.Альмгрену на обоих берегах балки.

Находки связанные с вельбарским влиянием в регионе отмечались и ранее (Обломский, 2003, С.45) Обломки сосудов с хрупчатой нижней частью и подлощенным верхом, лепная миска на ножках найдены при раскопках поселения Пены. Миниатюрный горшочек типа VIb по Р.Волангевичу подправленный на гончарном круге обнаружен в Иванино.

Материалы близких по типу и крупных по размерам поселений Воробжа (р.Воробжа, Октябрьский район), Свобода (р.Тускарь, Золотухинский р-н), Рязаново (р.Радутин, Курчатовский р-н) подтверждают существование поселков на протяжении позднеримского времени: от времени бытования фибул седьмой группы (фаза С2) до фазы D1. Эту же дату подтверждают находки монет императора Валента в кладе из района д.Титово и на Псле в Беловском районе (Радюш, 2008). Материалы, относящиеся к фазе D2 в верховьях Сейма и Псла пока немногочисленны. Основная концентрация кратковременных поселений этого времени выявлена к северу от Сейма, в верховьях его правых притоков. Но отдельные случайные находки указывают на присутствие каких-то групп населения между Сеймом и Псломи в этот период, когда большая часть поселений очевидно оставляется.

В целом новый этап исследований в Посемье позволил получить более точные сведения об этапах заселения региона в позднеримское время и начале эпохи переселения народов III-V вв. н.э., которые основаны на значительном

количестве хроноиндикаторов. Выделяется ранняя дочерняховская фаза, связанная с варварскими эмалями (C1-C2), раннечерняховская датируемая фибулами VII группы (C2 - рубеж C2|C3), развитая черняховская (C3-D1), финальная фаза (D1-D2). Крупные поселения типа Пены- Воробжи-Свободы существуют на протяжении фаз C2-D1. Очевидно, значительное сокращение населения на фазе D1 и, вероятнее всего, все крупные поселения были покинуты, во всяком случае, в настоящее время материалы типа поселений Льговско-Фатежской группы к югу от Сейма выявлены в единичных случаях. Вопросы, связанные с внутренней хронологией поселений, будут решаться в ходе дальнейших полевых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время // Раннеславянский мир. – 5.- Москва.- 2002.

Радюш О.А. Некоторые новые находки круга варварских выемчатых эмалей в междуречье верхнего Псла и Сейма // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (этнокультурные контакты).- Тула. (в печати)

Радюш О.А. Находки римских монет с территории Курской области.// Славяно-русские древности Днепровского Левобережья.- Курск. – 2008. - С.140-145.

Шишкін Р.Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я// Археологія - 1999. - №4.

ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. 1. 1. Густомой; 2. Сергеевка; 3. Люшинка; 4. Малеевка; 5. Сугр ово; 6. Клишино; 7. Пены; 8.Кудеярова гора; 9. Быки; 10. Макаровка; 11. Глушково (бывш.); 12. Дроняево; 13. Гупово; 14. Александровский; 15. Сорокина; 16. Авдеева; 17. Липина; 18. Дичня; 19. Лукашевка; 20. Иваново; 21. Чапли; 22. Любицкое; 23. Колпаково; 24. Рязаново; 25. Мальцево; 26. Самсоново; 27. Гостомля; 28. Первомайская; 29. Нижняя Паровая; 30. Радугина; 31. Раково; 32. Семеновка; 33. Левшинка; 34. Анастасьевка; 35. Кромские Быки 1-5; 36. Дурово; 37. Бобрик; 38. Сопеловка; 39. Успенка; 40. Городенск; 41. Воронино; 42. Малютино.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СТЕКЛОДЕЛИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И НА ДНЕСТРЕ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Свидетельства стеклоделия зафиксированы в ряде пунктов Северного Причерноморья: в Альма-Кермене (Высотская, 1972, С.47-59), Херсонесе (Белов, 1965; 1969), в поселке Ильич на Тамани (Николаева, 1991) и, возможно, в Танаисе (Алексеева, Арсеньева, 1966) и Фанагории (Щапова, 1983, С.162-163) (Рис.1). Все они относятся к римскому времени или началу эпохи средневековья, от II–III до V – начала VI в. Особого внимания заслуживают находки на поселении у с.Комаров на Среднем Днестре (Смишко, 1964; Безбородов, 1964), в ареале черняховской культуры, являющиеся ярким свидетельством теснейших контактов местного населения с римским миром. Публикуя перечисленные находки, исследователи рассматривали их как свидетельства местного производства стекла в регионе. Данные археологического изучения античного и раннесредневекового стеклоделия последних 20 лет заставляют нас вернуться к данной теме, позволяя рассмотреть эти материалы в новом свете.

По итогам исследований, проведенных как на материалах стеклоделательных центров Ближнего Востока и Северной Африки, так и мастерских Западной Европы, удалось установить, что цикл стеклоделательного производства в позднеантичное и раннесредневековое время был разделен на этапы. Собственно стекловарение и изготовление изделий из уже готового стекла (стеклянных полуфабрикатов) занимают в нем разное место. В зависимости от характера производства для изучаемой эпохи выделяется два вида производственных комплексов. В первичных мастерских происходила варка стекла на основе песка и щелочного сырья (природной соды или золы солончаковых растений); во вторичных - производились готовые изделия из привозного необработанного стекла. Важным подтверждением

подобной реконструкции производственного цикла являются свидетельства торговли полуфабрикатным стеклом на дальние расстояния – находки затонувших кораблей, содержавших до нескольких тонн подобного груза (обзор литературы по теме и ссылки см.: Foy, Nenna, 2001; Румянцева, 2008).

В традиционных регионах стеклоделия – на Ближнем Востоке и в Северной Африке – известны как первичные, так и вторичные мастерские. Между ними выделяется масса различий как на уровне устройства печей, так в характере сопутствующих им свидетельств производства.

Свидетельством первичных, стекловаренных мастерских являются находки прямоугольных бассейновых печей больших размеров, в которых можно было изготовить одновременно до 8-12 тонн стекла. Каждая печь использовалась лишь однократно – после приготовления партии стекла она разбиралась, а полученная стеклянная плита весом в несколько тонн разбивалась на куски, пригодные для транспортировки. Данные мастерские занимают большие территории и содержат остатки многочисленных печей. Они зафиксированы в Египте и на сиро-палестинском побережье, на территории современного Израиля. Остатки самих печей и кирпичи с натеками стеклянной массы являются, как правило, единственными находками на территории первичных мастерских, связанными со стеклоделием; инструментарий, бракованные изделия, формы и прочие свидетельства производства готовой продукции в них отсутствуют.

На территории провинциально-римского запада на данный момент неизвестны мастерские, которые можно было бы интерпретировать как стекловаренные. Исследователи рассматривают их как вторичные, работающие на привозных полуфабрикатах. Как правило, они содержат круглые печи в среднем 1-2 м в диаметре, в которых стекло разогревалось до необходимой температуры, и из него производились готовые изделия: посуда, оконное стекло и пр. Находки печей сопровождаются отходами производства, брак, фрагменты необработанного стекла, «шлаки», иногда обломки тиглей, инструменты и стекольный бой. Мастерские смешанного типа, где одновременно варилось стекло и выполнялась готовая продукция, для рассматриваемого периода не

характерны; они получают распространение в эпоху развитого средневековья, когда меняется характер сырьевой базы стеклоделов.

Таким образом, стеклоделательное производство предстает перед нами в качестве сложного процесса, в котором западный мир находился в прямой зависимости от производства Ближнего Востока и Северной Африки (Foy, Nenna, 2001). Иными словами, в европейские мастерские импортировалось не сырье, как считалось ранее, а уже готовое стекло, подлежавшее разогреву для получения конечной продукции. Одна из причин этого обусловлена особыми требованиями к сырью, которое должно было отвечать целому ряду критериев, наиболее строгих для бесцветного стекла, изделия из которого выполнялись при помощи выдувания. Данная схема подтверждается и крайне высокой степенью близости состава стекла первых веков н.э., найденного в сиропалестинском регионе и на Западе.

Характер опубликованных производственных комплексов с печами, открытых в Альма-Кермене и на Тамани, как и прочие свидетельства производства, найденные в черноморском регионе и на среднем Днестре – брак, «шлаки», нити, капли, стекольный бой, формы для изготовления стеклянных изделий, куски стекла неправильной формы, инструменты и прочее – позволяют отнести мастерские региона к группе вторичных, производящих продукцию из готового стекла. Данная интерпретация представляется вполне логичной и с учетом географического положения упомянутых памятников: они сконцентрированы на окраинах античного мира, вдали от источников сырья и традиционных центров древнего стеклоделия. В то же время, серия находок, описанных в публикациях, может быть связана и с изготовлением собственно стекла. Это высушенные морские водоросли, связанные с производственным комплексом на Тамани, находки раковин моллюсков в Алма-Кермене, куски недоваренной, частично остеклованной шихты из Комарова, следы хальмозы (пены, образующейся на поверхности стекла при его варке) из Херсонеса и др. Вероятно, не все из них могут быть однозначно интерпретированы или непосредственно связаны со стекольным производством. Результаты анализов стекла из мастерских могли бы пролить свет на проблему, однако низкая

степень их точности по сравнению с современными не позволяет получить однозначных результатов.

Таким образом, по прошествии многих лет после публикации находок, связанных с производством или обработкой стекла, появилась необходимость в их более детальном изучении, результаты которого, возможно, помогут иначе рассмотреть имеющиеся у нас данные как о самом ремесле, так и о некоторых аспектах экономических отношений, существовавших между населением Северного Причерноморья, Поднепровья и Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М. Стеклоделие Танаиса // СА. – 1966. – №2.

Безбородов М.А. Исследование стекол из стеклоделательной мастерской III-IV вв.н.э. у с.Комаров // МДАПВ. – Вып. 5. – Киев.- 1964.

Белов Г.Д. Стеклоделие в Херсонесе // СА. – 1965. - №3.

Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. – Вып. 116. – М.- 1969.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. – Киев.- 1972.

Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре // Античный мир и варвары Евразии. - КСИА. – Вып. 204. – М. - 1991. – С.50-57.

Румянцева О.С. Организация стеклоделательного производства в эпоху поздней античности – раннего средневековья (обзор зарубежной литературы) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. II. – М.- 2008.

Смишко М.Ю. Поселение III-IV вв.н.э. со следами стеклоделательного производства у С.Комаров, Черновицкой области // МДАПВ. – Вып. 5. – Киев. - 1964.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). - М. - 1983.

Foy D., Nenna M.-D. Tout feu tout sable: Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. - Aix-en-Provence. - 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МДАПВ – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

СА – Советская археология

ПОДПИСЬ К РИСУНКУ

Рис.1. Свидетельства стеклоделательного производства в Северном Причерноморье и на Среднем Днестре

1 – Альма-Кермен, 2 – Херсонес, 3 – пос. Ильич, 4 – Фанагория, 5 – Танаис, 6 – Комаров

Строценъ Б.С.

(Тернопіль, Україна)

ЧЕРНЯХІВСЬКА КУЛЬТУРА ЗАХІДНОГО ПОДІЛЛЯ

Надзвичайно важливим для вивчення слов'янського етногенезу є питання етнічної приналежності черняхівської культури. Дискусія з цієї проблеми не припиняється понад 100 років (з часу відкриття культури). Якщо раніше її носіїв вважали або слов'янами, або германцями, то сьогодні, з накопиченням нового матеріалу, більшість дослідників вважають культуру поліетнічною. Але актуальним залишається питання про визначення ролі того чи іншого етносу у формуванні культури. А тому, враховуючи велику територію поширення культури, значний вплив (політичний, господарський, культурний тощо) римських провінцій, а також великий обсяг археологічних джерел, одним з можливих шляхів з'ясування цієї проблеми є системне вивчення матеріалів черняхівської культури окремих регіонів.

Західне Поділля – регіон, що розташований на перехрещенні важливих торгових шляхів із Заходу на Схід та з Півночі на Південь. В першій половині I тис.н.е. ця територія була контактною зоною різних етнічних груп, культур, що яскраво відбилося в матеріальній культурі.

Територія Західного Поділля не є рівномірно дослідженою. Пам'ятки південних районів регіону завдяки багаторічній планомірній праці експедицій історичного факультету Кам'янець-Подільського педагогічного університету під керівництвом І.С. Винокура, дослідженням експедицій Інституту археології НАН України, якими керували В.Д. Баран, Л.В. Вакуленко, Д.Н. Козак, О.М.

Приходнюк та ін., досліджені набагато краще, ніж північні. Тут широкими площами розкопано поселення і могильники, їх детально описано, проаналізовано, здобуті матеріали введено в науковий обіг. Етнічна приналежність цих пам'яток практично ні в кого не викликає сумнівів. Більше того, виявлено матеріали гунського часу, які заповнили хронологічну лакуну між черняхівською культурою та празько-корчацькими матеріалами кін. V – VI ст. Хрестоматійними стали такі черняхівські селища, як Бакота, Теремці, Сокіл тощо. Їх однотиповість із пам'ятками Верхнього Дністра та верхів'їв Західного Бугу є доведеною. Вони об'єднані в одну групу типу “Черепин-Теремці” і в їх слов'янській приналежності не сумніваються навіть ті дослідники, які вважають, що основу черняхівського населення склали давні германці.

В той же час у центральних та північних районах цієї території протягом тривалого часу досліджувалися переважно могильники: Раковець-Чеснівський, Чернелів-Руський, Чистилів, Романове Село та ін. Активізація досліджень селищ припадає на початок 1990-х років: Малашівці, Кобилля, Очеретне. Матеріали цих пам'яток, за винятком Раківця-Чеснівського, майже неопубліковані. Через те вони розглядалися побіжно, без належного аналізу, як периферія інших територій, яким приділяли увагу дослідники Дністро - Дніпровського межиріччя, верхів'їв Дністра та Західного Бугу тощо. І висловлені вченими думки, гіпотези, припущення, висновки потребують перевірки, уточнень та доповнень, додаткової аргументації.

Свого часу В.Д. Баран вказав на відмінності між черняхівськими пам'ятками, розташованими у північних районах Західного Поділля, на схід від Серету, і тими, що сьогодні відомі в літературі, як “тип Черепин-Теремці”. Проте наявний у 1970 р. матеріал не дав змоги чітко визначити межі між цими пам'ятками, їх етнічну приналежність тощо. Однак, аналіз накопиченого зараз матеріалу дає можливість це зробити. Важливість такого дослідження обумовлена тим, що Західне Поділля – периферія черняхівської культури, але незважаючи на сильні провінційно-римські впливи, населення все-таки зберегло свої самобутні риси в матеріальній культурі.

Картографування пам'яток, вивчення умов їх розташування, нумізматичних матеріалів та античного імпорту дало можливість в'яснити, що селища і могильники концентруються переважно у двох великих групах. Перша – у Тернопільському ландшафтному районі (по берегах Серету та басейні Гнізни), друга – у Придністровському, здебільшого у межиріччі Збруча і Смотрича, а також недалеко від впадіння в Дністер Серету та Нічлави. Пам'ятки обох груп мають як спільні, так і відмінні риси. **До спільних належать:**

1. Розміщення селищ. Обов'язковими умовами для розташування поселень є наявність чорнозему і легкий доступ до води, а також схили із південною, південно-східною, східною, південно-західною чи західною експозицією. Перші дві умови важливіші, ніж остання.

2. Для поховального обряду всього регіону характерним є біритуалізм, зафіксовані одні й ті ж типи конструкції могильних ям, однаковий набір поховального інвентаря, наявність сарматських рис тощо. Властива також різниця у глибинах різночасових поховань – пізніші знаходяться глибше від ранніх. Спостерігається хронологічна відмінність у співвідношенні видів глиняного посуду. Простежується збільшення кількості горщиків і зменшення кількості мисок у пізніх похованнях. Особливо яскраво це видно на Чернелів-Руському могильнику.

3. Єдиний господарський уклад населення другої чверті I тис. н.е., який базувався на досить високому рівні розвитку орного землеробства, скотарства, ремесел, торгівлі. Цьому сприяла також близькість римських провінцій, що були не тільки ринком збуту, а й джерелом запозичення передових технологій для ремесел.

Відмінні риси зафіксовано у житлобудуванні, ліпній кераміці, а також в поховальному обряді та деяких рисах матеріальної культури.

1. Для Придністровського регіону характерна наявність як наземних, так і заглиблених жител. Наземні житла були каркасно-стовпової конструкції, заглиблені як каркасно-стовпової, так і зрубної. Традиції спорудження

заглиблених жител з пічкою-кам'янкою (таких тут більшість) знаходять своє продовження в комплексах гунського часу, і пізніше — в празько-корчацьких.

У Тернопільському регіоні зафіксовано виключно наземні будівлі (одно-, дво- і трикамерні), що різняться від придністровських, зокрема розмірами. Так, в Тернопільській групі пам'яток домінують житлові споруди площею від 50 до 100 м², а в Придністровській – до 30 м². Традиції зведення так званих великих будинків знаходимо у вельбарській культурі.

2. Відмінність простежено і у плануванні інтер'єру. На черняхівських пам'ятках Придністровського регіону опалювальні пристрої в наземних житлах концентруються в основному у північно-західній частині споруди, рідше – у східній. В той час як у заглиблених їх переважно розташовують у східній частині житла. В житлах гунського часу (домінуючим типом стає напівземлянка) тенденція розміщувати печі та вогнища у східному секторі зростає, а в ранньослов'янських кін. V – VI ст. наближається до 100 %.

3. На поселеннях, розташованих у північній частині регіону, – Кобилля, Очеретне, Малашівці – виявлено ліпний посуд, який за складом тіста, способами обробки поверхні, орнаментациєю, формами характерний для вельбарської культури, в той час як частина форм ліпної кераміки з півдня Західного Поділля наслідує форми гончарного посуду, а частина продовжує побутувати у ранньослов'янській культурі кінця V – VI ст.

4. В поховальному обряді черняхівських племен Західного Поділля також фіксуються певні відмінності між виділеними групами пам'яток. У північних районах регіону трупоспалення не перевищують 29 %, а на деяких могильниках відсутні зовсім. В той час як на Придністровських могильниках кремації складають 50 % і більше. Крім того, у північних районах поширені кремації в закритій урні, а на півдні – у відкритій урні. На півдні горщики виступають єдиним типом урни, а на півночі цю функцію виконували і горщики, і миски. В одному випадку як урна був використаний глечик.

Таким чином у другій чверті I тис. н.е. Західне Поділля населяли дві етнічні групи: автохтонна – слов'янська та прийшла – германська. Територія першої збігалася з Придністровським, другої – Тернопільським ландшафтним

регіоном. Проте їх господарсько-економічна модель була спільною і характеризувалася високим рівнем розвитку господарства і торгівлі. Можна допустити, що південний (слов'янський) регіон, у зв'язку із особливостями свого розташування, міг виконувати посередницькі функції у торгових відносинах з римськими провінціями.

Терпиловський Р.В.

(Київ, Україна)

ДОСЛІДЖЕННЯ НОВИХ ПАМ'ЯТОК ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ У МЕЖИРІЧЧІ УДАЮ І СУЛИ

Протягом польових сезонів 2003–2009 рр. Лівобережною комплексною археологічною експедицією (начальник Г.В. Жаров, науковий консультант Р.В. Терпиловський), створеною в системі ДП НДЦ “Охоронна археологічна служба України” Інституту археології НАН України, були проведені значні новобудовні дослідження на території Дніпровського лісостепоного Лівобережжя. Серед інших була виявлена низка пам'яток черняхівської культури, більшість з яких розташована у межиріччі рр. Удай і Сула, в межах Варвинського, Срібнянського і Талалаївського р-нів Чернігівської обл. та Роменського р-ну Сумської обл.

Донедавна тут було відомо лише кілька поселень черняхівської культури. Невеликі розкопки були здійснені на могильнику Гурбинці (розкопки М.О. Макаренка), на поселеннях Коровинці (розкопки Є.В. Махно) і Артюхівка (розкопки Г.О. Романової). Нашими розвідками в цьому районі зафіксовано близько 50 нових пам'яток, на чотирьох з яких проведено охоронні розкопки.

Невеликі новобудовні роботи на двох поселеннях дозволили виявити ділянки потужного та насиченого знахідками культурного шару навколо окремих садиб. Поселення **Гнідинці 6** (с. Гнідинці Варвинського р-ну, розкопки 2008 р.), розташоване на схилі корінного берега над безіменним струмком – лівою притокою р. Удай (правої притоки Сули). Поселення було

порівняно невеликим – близько 2,5 га. Розкопками площею 216 кв. М була досліджена господарська частина однієї з садиб, де виявлені споруди і яма-льох. Будівля, скоріш за все, мала господарське призначення: її розміри (3,4 x 3 м) невеликі, форма неправильна, стінки похилі, слідів опалювальної споруди не помітно. Поселення (чи, точніше, досліджена ділянка) відноситься до раннього періоду черняхівської культури, що датується другою половиною III – першою половиною IV ст. н.е. На користь цього припущення, на думку О.В. Петраускаса, свідчать деякі деталі керамічного комплексу, зокрема, оформлення днищ гончарних горщиків. У колекції знахідок абсолютно переважає гончарна кераміка. В той же час, в культурному шарі і об'єктах зустрінуті нечисленні фрагменти ліпної кераміки. причому судячи по ряду ознак (характер домішок, обробка поверхні, форма і орнаментация посудин) вона належить двом етнокультурним групам – київській і вельбарській. Подібна ситуація, зокрема, була раніше відмічена на ряду пам'яток черняхівської культури Середнього Подніпров'я і сходу Дніпровського Лівобережжя (Журавка Вільшанська, Велика Бугаївка, Гочево 3 і 4 та ін.). На нашу думку, це може свідчити про перебування як слов'янського, так і германського населення у складі черняхівських громад.

Інше поселення, **Савченків Яр 1** (с. Хрещатик Роменського р-ну, розкопки 2006 р.), розташоване на берегах балки, якою протікає безіменний струмок – ліва притока р. Ромен (права притока Сули). Траншеєю також виявлений культурний шар, насичений гончарною керамікою. Знахідки з траншеї відносяться до пізнього періоду черняхівської культури, що датується близько IV ст. н.е., про що свідчать окремі фрагменти амфор «інкерманського» типу та піфосів, плитчасті денця гончарних горщиків, а також порівняно невелика кількість столового посуду. Поодинокі фрагменти ліпного посуду належать площкам та горщикам, вінця яких оформлені у київській та пізньоскіфській традиції. Індивідуальні знахідки представлені кількома залізними виробами (в тому числі язичком пряжки), трьома пряслицями (одне з них орнаментоване), заготовкою пряслиця з денця гончарної посудини,

уламками глиняних грузил, двома «гудзиками» і «стилем» з кістки, фрагментами кам'яних оселків тощо.

Більш цікавими виявилися розкопки 2003 р. по трасі трубопроводу на поселенні та могильнику **Воскресенське 1** (с. Воскресенське Варвинського р-ну). Пам'ятка займає похилий край лівого берегу р. Удай. Під час розкопок поселення на схилі другої надзаплавної тераси виявлено п'ять заглиблених господарських та виробничих споруд, поряд з якими досліджено залишки чотирьох гончарних горнів. Горни мали діаметр 1,1–1,2 м і двохярусну конструкцію з опорною стінкою («козлом»), на яку спиралась горизонтальна перегородка з продухами. Із заповнення будівель походить велика кількість гончарної кухонної (горщиків), тарної (піфосів) та столової кераміки (у тому числі фрагменти триручних ваз, мисок та ін.), глиняні пряслиця, «стилі» з кістки, уламки залізних виробів та ін. За кількома залізними і бронзовими фібулами, залізній пряжці та фрагменту кістяного гребеня ця ділянка поселення може бути датована IV ст. н.е.

Залишки чотирьох черняхівських поховань-тілопокладень виявлено по трасі трубопроводу у досить незвичайному для цієї культури місці – на краю невисокої надзаплавної тераси, тобто нижче поселення. Одне з них було сильно зруйноване траншеєю, інше (безінвентарне) мало західну орієнтацію. Ще два поховання північної орієнтації було ритуально зруйновано. Поховання 2 містило багатий набір гончарного посуду: чотири кухонних горщики, столові вазу і дві миски, а також уламки чорнолощених глека та кухля з різноманітним орнаментом. У похованні 3 крім трьох гончарних мисок знайдено тришаровий багаточасний кістяний гребінь типу 3 за 3. Томас, бурштинову намистину та уламки скляного кухля з краплями синього скла, що дозволяє датувати цей комплекс гунським періодом.

Інша черняхівська пам'ятка **Дубина 1** (с. Дубина Роменського р-ну, розкопки 2003 р.) займає ділянку корінного берега заввишки 14-20 м над обводненою балкою, яка належить до басейну р. Локня (права притока Сули). За поширенням підйомного матеріалу довжина поселення вздовж балки сягає 1 км, а ширина – 150-300 м. Зазначимо, що спочатку на території пам'ятки було

закладено низку шурфів, що й дозволило вибрати оптимальний варіант розміщення будівельного майданчика нафтогазовидобувальної свердловини між поселенням і могильником з метою мінімізувати нанесення шкоди пам'ятці. Двома розкопами загальною площею 3 800 м² досліджено культурний шар на периферії поселення та окраїну могильника. В культурному шарі поселення виявлено лише фрагменти типової гончарної кераміки черняхівської культури, як кухонної (горщики) і тарної (піфоси) з шорсткою поверхнею, так і столової лощеної (миски, вази, глечики).

Більшість з 11 досліджених тілопокладень мала північну або північно-західну орієнтацію і була пограбована в давнину. *In situ* збереглися лише поховання 1,2 і частина поховання 3. Основні знахідки зустрінуто у перевідкладеному стані у ямах або навіть поза ними. Не виключено, що так звані поховання 5-7 являли собою просто скупчення кісток, викинутих з розташованих поблизу могильних ям. Окремі вторинно обпалені черепки та сердолікова намистина з поховання 2, можливо, вказують на наявність кремацій. Втім, перепалені речі можуть бути пов'язані й з культовим шаром могильника.

На дослідженій ділянці могильника знайдено кілька бронзових пряжок, уламки скляних кухлів, різноманітні намистини з скла, коралу, бурштину, сердоліку, глиняні пряслиця тощо. Добре збереглося захоронення підлітка (поховання 3), що супроводжувалося двома горщиками, двома мисками та невеликим чорнолощеним глечиком-бутлем з вузьким горлом, орнаментованим сюжетами, можливо, календарного характеру.

Фрагменти кухлів з «чарунковою» поверхнею, деякі типи намистин та трьох пряжок (особливо язичок з поховання 3) дозволяють віднести досліджену ділянку до фіналу черняхівської культури. Цьому не суперечить тип глечика-бутля з поховання 3, що має близьку аналогію в одному з комплексів могильника Суми-Сад. Таким чином, досліджені ділянки поселення і могильника слід датувати другою половиною IV ст., не виключаючи й початку V ст.

Таким чином, проведені Лівобережною експедицією охоронні дослідження свідчать, що концентрація пам'яток в басейні Сули не поступається іншим добре вивченим черняхівським регіонам. Втім, подальше цілеспрямоване вивчення найбільш цікавих черняхівських поселень і могильників Верхнього Посулля – справа майбутнього.

Тилищак В.С.
(Київ, Україна)

ЛІПНА КЕРАМІКА ЧЕРНЕЛЕВО-РУСЬКОГО ЧЕРНЯХІВСЬКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник в с. Чернелів-Руський Тернопільського р-ну Тернопільської обл. (Західне Поділля) досліджувався І.П.Геретою протягом 1973-2000 рр. і є одним із найбільш широко розкопаних некрополів черняхівської культури. Матеріали могильника мають важливе значення для вивчення історії населення півдня Східної Європи пізньоримського періоду, але вони введені в науковий обіг лише частково. Значний науковий інтерес викликає ліпна кераміка могильника, аналізу якої присвячено дане дослідження.

Джерелами роботи стали колекція матеріалів пам'ятки, що зберігається в Тернопільському обласному краєзнавчому музеї та звіти про археологічні дослідження могильника, що зберігаються в Науковому архіві Інституту археології НАН України.

На пам'ятці ліпна кераміка черняхівського часу представлена цілими формами та численними фрагментами. У роботі опрацьовано 69 цілих чи фрагментованих посудин, що походять із 45 поховань та культурного шару могильника.

За функціональним призначенням черняхівська ліпна кераміка могильника може бути розділена на такі групи: горщики, миски, глеки, кухлі, кубки, склянки, які у свою чергу, та формами розділяються на типи та варіанти. Загалом виділено 22 типи ліпної кераміки.

За результатами опрацювання можна зробити деякі висновки.

У ліпній кераміці могильника проявляються кілька культурних компонентів. Найбільш відчутний вельбарський, який представлений більшістю типів ліпної кераміки. Крім вельбарського присутній також пшеворський компонент, представлений характерними мисками із увігнутим дном (виділені в роботі як тип Л11), можливо, також мискою із поховання 41 та горщиками із поховань 261 та 265.

Ще один культурний елемент представлений слабопрофільованими горщиками (тип Л2). Подібні горщики пов'язують із сарматськими чи дакійськими традиціями, тож цей компонент можна умовно назвати «дунайським».

У хронологічному відношенні слід відзначити, що більшість типів ліпної кераміки використовувались на ранніх етапах функціонування могильника, що синхронізуються із етапами С1b та С2 середньоевропейської хронології. Окремі із них, як глеки (тип Л14) чи миски із сильно вгнутим дном (тип Л11) можуть діагностувати початок функціонування пам'ятки.

Ліпні горщики та більшість типів ліпних мисок до IV століття виходять з ужитку. Очевидно цей факт пов'язаний із поширенням гончарної кераміки, яка поступово витісняла із ужитку ліпну. Ця тенденція підтверджується порівнянням із сусідніми пізніми могильниками черняхівської культури у Чистиліві та Білій, де ліпної кераміки не виявлено.

Мініатюрні посудини (кубки та кухлі) використовували протягом усього часу існування могильника. Продовження використання мініатюрних форм ліпної кераміки і на пізніх етапах функціонування могильника можна пояснити тим, що вони мали ритуальний характер і виготовлялись спеціально для поховальних обрядів.

Виділяється група інвентарних поховань, які містять набори ліпного посуду (не менше двох-трьох посудин, у тому числі миски) і, водночас, у них відсутні гончарні посудини. До цієї групи входять поховання: 41, 65, 72, 111, 131, 255, 257, 261. У більшості із них виявлені найраніші в черняхівській культурі типи фібул (типу Гороховський А1 та групи Альмгрен VII). Можливо,

згадані поховання належать до найраніших на могильнику і були здійсненні до поширення гончарного посуду. Ця обставина дозволяє ставити питання про виділення найранішого, «догончарного», етапу в розвитку могильника та культури в цілому.

Шишкін Р.Г., Петраускас О.В.

(Київ, Україна)

ДОСЛІДЖЕННЯ

МОГИЛЬНИКА ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ «ЧЕРВОНЕ-2»

Могильник черняхівської культури поблизу с.Червоне був виявлений у 1984 р. експедицією під керівництвом С.С.Березанської. В пошукових траншеях було досліджено два поховання за обрядом трупопокладення.

У 2006, 2008-2009 рр. спільна археологічна експедиція ІА НАН України та НПУ ім. М.П. Драгоманова провела дослідження могильника черняхівської культури, який отримав назву (шифр) „ЧЕРВОНЕ-2”.

Могильник розташований поруч із с. Червоне Ставищанського р-ну Київської області.

Топографічно могильник займає правий північний схил річки Торець (права притока р.Торч – права притока р.Рось – права притока р.Дніпро) у місці впадіння до неї безіменного струмка. На прилеглих до могильника схилах на одних з ним горизонталях зафіксоване синхронне поселення черняхівської культури („Червоне-3”).

Методика робіт. На початку робіт у 2006 р. площа могильника була накрита суцільною сіткою, яка складається з розкопів стандартних розмірів 10x10м та сталим літерно-цифровим позначенням квадратів, які мають розміри 2x2м. У 2009 р. на площі могильника була здійснена геофізична зйомка магнітної індукції з метою виявлення аномалій. Площа геофізичного обстеження склала 2000 м² і являла собою хрестоподібну форму з двох смуг

(150x10м по лінії південь-північ і 50x10 по лінії схід-захід).² На місцях двох найбільш виразних аномалій зроблені контрольні розкопки, де було досліджені два поховання за обрядом інгумації (№№ 40 та 42). З огляду отриманих даних карта геофізичних аномалій є дуже перспективною для подальших досліджень могильника.

Особливості поховального обряду. За три роки досліджень загальна розкопана площа могильника склала 572 м², де досліджено 44 поховання - 9 кремацій (20%) та 35 інгумацій (80%).³ Глибина залягання трупокладень становила від 0,8 до 2,6м, кремацій – від 0,2 до 0,7.

Кремації представлені наступними типами – урнові, урнові з кришками, урни із вставками, з компактним розташуванням кісток та розсіяним положенням кісток. *Інгумації* орієнтовані на північ (23%) та захід (34%), у 43% випадках орієнтація похованого не визначена у зв'язку із повною руйнацією.⁴ Переважна більшість поховань має виразні сліди руйнації (близько 80%), п'ять поховань (чотири дитячі) виявилися не зруйнованими. Характер руйнації може бути локальним (передпліччя), зональним (голова, груди, пояс та стегна) або тотальним. Слід зазначити, що в кількох випадках чітко простежується впорядковане розташування порушених кісток у вторинній ямі. Зазвичай такі кістки викладаються перпендикулярно первинній орієнтації кістяка.

Культовий шар на даному могильнику представлений дуже виразно. Стратиграфічно він займає верхній шар могильника до гл. 0,5-0,6м, в окремих випадках він зафіксований у заповненні ям трупокладень. Насиченість його різна і, як свідчить аналіз планіграфії, залежить від наявності поруч поховань. У квадратах прилеглих до поховань кількість знахідок сягає 30-40 одиниць на м². Знахідки з шару мають характерні для цього явища склад (речі, які

² Зйомку проведено групою геофізиків на чолі із канд.геол.наук К. Бондар.

³ Дані наведені без урахування парних поховань.

⁴ Антропологічний аналіз решток із розкопок 2006р. засвідчив, що три з дванадцяти трупокладень виявилися парними. За нашими спостереженнями в поховання досліджених 2008-2009рр., які ще не обробляли антропологи, також є парні. Цю особливість могильника у Червоному-2 слід враховувати під час остаточних підрахунків кількості похованих та визначення особливості поховальних звичаїв даної громади.

характерні для поховань) і ознаки (фрагментований, в більшості випадків із слідами дії огню).

Речові знахідки. В похованнях і культурному шарі могильника були знайдені типові речі для черняхівської культури: уламки і цілі форми гончарного посуду (горщики, глечики, миски, кубки, вази), елементи костюму (фібули, пряжки), прикраси (підвіски, намистини), побутові речі (прясла, ножі, кресала, гребені), уламки скляного посуду (кубки, чаші) тощо.

Датування могильника можливе через серію виразних знахідок. Фаза С2 добре датується гладкою підв'язною фібулою, грибоподібними бурштиновими намистинами, гончарними мисками закритого типу глибоких пропорцій. Фаза С3 представлена через скляні кубки типу Єггерс/230, пряжки типу Келлер/А, підв'язні фібули типу Гороховський/Б2-3. Фаза D1 добре представлена пряжками з сильно потовщеною передньою частиною та язичками, гребенем типу Томас/III та ін.

Етнокультурні особливості пам'ятки представлені через окремі знахідки ліпного посуду вельбарського типу, або його гончарними репліками. Відсутність ускладнених типів трупоспалень в Червоному-2 наближає його до пам'яток з домінуванням східногерманського компонента – могильників типу Косанове, Ружичанка, Чернелів-Руський та ін. Про південні зв'язки та впливи свідчать уламки римських амфор в похованнях, окремі форми пряжок, фібул та ін.

Шультце Ердмунте
(Берлін, Німеччина)

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕРНЯХОВСКОГО КОСТЮМА ИЗ МОГИЛЬНИКА НАГОРНОЕ-2

Костюм носителей культуры Сынтана де Муреш – Черняхово исследовался уже неоднократно (Tempelmann-Maczyńska, 1989; Гопкало, 2008; Магомедов, 2001 и др.). Здесь описываются новые материалы из могильника

Нагорное-2, находящегося на крайнем западе Одесской области. На нем раскопаны 94 погребения, в основном труположения. Из-за ритуального вскрытия в древности и современного разрушения для исследования пригодны 50 закрытых комплексов. Из них 37 погребений содержали в инвентаре части одежды. Это фибулы, пряжки, украшения с бусами, костяные и металлические подвески, раковины с отверстием или проволочным кольцом, браслеты. К костюму нами были отнесены также иглы, когда они лежали возле черепа, а не с другими мелкими инструментами у пояса. Украшения с бусами можно разделить на несколько типов. Это ожерелья, которых в некоторых погребениях было даже по два. Затем браслет из бус в погребении 85. Кроме того, в отдельных захоронениях найдены одиночные бусы.

Погребения с фибулами мы рассматриваем последовательно в зависимости от количества в них этих застежек, а затем не содержавшие их. Среди 13 погребений с одной фибулой, судя по антропологическому определению, были мужские, женские и детские. В двух погребениях была найдена только одна фибула. В других находились, кроме того, пряжки и\или украшения. Комбинация одной фибулы с украшением из бус чаще встречается в женских и детских погребениях, а комбинация одной фибулы с пряжкой – в мужских. Надо отметить, что в мужских захоронениях фибулы часто находились на поясе, иногда вместе с пряжкой. Очевидно, в этих случаях фибула не служила застежкой рубашки, а скорее, скрепляла широкую накидку. Другой возможный вариант объяснения – фибула в этом случае служила для прикрепления к одежде сумочки или мешочка.

Из 11 погребений с 2 фибулами по антропологическому определению 5 были женские. Одно принадлежало подростку (*juvenilis*). Одно было детским. Мужские захоронения в этой группе отсутствуют. Фибулы, в большинстве парные, находились в области плеч. В погребении 23 найдены только фибулы, служившие элементом одежды. В других комплексах вместе с двумя фибулами встречаются разные украшения. Все их комбинации с фибулами отмечены по одному разу. Варианты сочетаний: две фибулы с ожерельем или пряжкой; в погребении 85 две фибулы сочетались с ожерельем, пряжкой, отдельными

бусами, браслетом и подвеской из раковины. Мы не учитывали части костюма, которые лежали в могиле далеко от погребенного и, скорее всего, являлись приношениями, а не частью его одежды. Установленные комбинации свидетельствуют о многообразии без жестких правил.

Три фибулы в закрытых комплексах не встречаются, но среди других погребений могильника есть один комплекс с тремя фибулами (женское погребение 55). Фибулы обычно делали из бронзы, серебра и железа. Серебряные фибулы найдены только парные или два экземпляра в одном погребении. В случаях сочетания серебряной фибулы с пряжкой последняя обычно тоже была серебряной. Элементы одежды из серебра встречаются и у взрослых, и у детей.

Только пряжки (1-2 экземпляра) обнаружены в 6 погребениях, из которых 2 мужские по антропологическому определению. Обычно пряжки находились в области таза. Очевидно, они были связаны с поясом. Если были дополнительные пряжки, то они находились тут же. Поэтому можно предположить, что они служили застежками сумки или соединяли разные ремни. Это подтверждают находки в этих случаях рядом с пряжками мелких инструментов, которые могли лежать в сумках или мешочках.

Бусы употреблялись по-разному. Прежде всего, это ожерелья, лежавшие между черепом и плечами. Кроме того, найдены отдельные бусины возле погребенного или над ним. Низки и отдельные бусины встречаются независимо от пола и возраста. В женском погребении найдено два ожерелья и браслет из бус. В 5 погребениях ожерелья и отдельные бусины служили элементами костюма. Четыре из них были захоронениями детей или подростков.

Раковины и пирамидальные подвески встречаются всегда вместе с бусами, фибулами и пряжкой. Они обычно лежали между коленями и могли служить украшением ремня или платья. В погребении 87 две пирамидальные подвески были связаны с прямоугольной бронзовой пластинкой. Это сложное украшение найдено на правом колене, наверно оно висело на ремне пояса или на платье. Подобное украшение известно в погребении 1 в Палатке, обл. Клуз (Nica Cîmbeanu, 1976, 27; 35, Рис.64a.b; 9). Фрагменты пластинки, видимо,

сходной с описанными, найдены также в Великой Бугаевке (Гопкало, 2008, Рис. 8).

Исходя из антропологических определений, о мужском костюме можно сказать, что в него входили одна или две пряжки. Фибулы у мужчин не служили застежкой рубашки, но для скрепления накидки или прикрепления сумки к поясу. Иногда у мужчин встречаются бусы. Женщины носили на плечах одну-две фибулы, которыми, очевидно, застегивали платья, и одну-две пряжки. Дополнительно их костюм мог включать ожерелье и другие украшения. Дети носили украшения из бус, иногда 2 фибулы.

В литературе черняховский костюм реконструируется обычно с одной или двумя фибулами. Уже Tempelmann-Maczyńska (1989, 79) отметила, что отдельные фибулы встречаются у пояса, как в Нагорном. Анализ материалов из Нагорного подтверждает и некоторые другие ее наблюдения, за исключением того, что женщины употребляли пряжки редко. В Нагорном это не так.

В настоящее время возможно сравнение с материалами могильника Михалешень в районе Верхнего Прута. О.Л.Шован установил, что большинство фибул найдено в погребениях взрослых (Şovan, 2005). Как и в Нагорном, единичные фибулы на плече у мужчин встречаются редко. Обычно они лежат у таза. В могильнике Михалешень такое употребление фибул отмечено и у женщин. В обоих сравниваемых могильниках две фибулы на плечах обычны только у женщин. Они могут сочетаться в многообразных вариантах с другими украшениями (Şovan, 2005, Т абл. 389). Кроме того, в могильниках Михалешень и Нагорное состав ожерелий сходен. К тому же на обоих могильниках найдены редкие стеклянные медальоны. Сходство как отдельных типов украшений, так и элементов одежды обнаруживает сходства костюма в Нагорном и на памятниках культуры Сынтана де Муреш в Попрутье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гопкало О. Бусы и подвески черняховской культуры. – К.- 2008.

Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin.- 2001.

Hica Cîmbeanu I., Das Grabfeld aus dem 4. Jh. u. Z. von Pălatca (Kr. Cluj)// Dacia 20 – 1976. – С. 23–37.

Şovan O. L. Necropoli de tip Sântana de Mureş-Čerjachov de la Mihălăşeni (jud. Botoşani). – Târgovişte.- 2005.

Tempelmann-Maczyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. – Kraków.- 1989.

ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. Нагорное 2, погр. 58: 1 - гребень, 2, 16 – пряжка, 3 - низка бус, 4,5 - фибулы, 6, 10-14 – сосуды, 7, 14 - железных изделий, 8 – бусы, 9 - жертвенная пища, 15 - кусочки песчаника.

МАТЕРІАЛИ ДО ДИСКУСІЇ

Гавритухин И.О.

(Москва, Россия)

ФАЗА „D” И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА

1. В исследованиях последних лет вновь популярным стало механическое перенесение центральноевропейской хронологической номенклатуры на восточноевропейские памятники. Остановлюсь на соотношении центральноевропейской фазы D с материалами черняховской культуры (Чк).

2. Фаза D, обозначающая 1-ю половину эпохи Великого переселения народов в Центральной Европе, в системах Х.Ю. Эггерса и К. Годловского представлена единым массивом (ок. сер. 4 – сер. 5 вв.), хотя в его рамках и выделялись более узко датируемые вещи или комплексы.

Позднее для нескольких регионов Центральной Европы часть таких комплексов (с кубками типа Ковалк, крупными овальными пряжками, рядом типов T-образных пружинных фибул и др.) была выделена в фазу С3 (финал позднееримской эпохи). Однако по мнению ряда исследователей, например, культур Висло-Одерского региона, выделение С3 на их материалах в ряде

случаев весьма неотчетливо или произвольно. Индикаторы С3 в Чк не единичны, но изучены пока весьма отрывочно.

Для некоторых центральноевропейских регионов Я. Тейрал наметил фазу С3/D1, что имело большой резонанс у многих исследователей древностей Восточной Европы. Однако в последних работах от использования этой субфазы фактически отказался сам автор, предпочитая говорить о фазе D1 в хронологических рамках «360/370 – 400/410 гг.». Желая использовать термин «С3/D1» должны как минимум внятно обосновать специфику и хронологию этой субфазы, преодолев скепсис Я. Тейрала и ряда др. специалистов.

3. Напомню индикаторы фазы D1 по Я. Тейралу (1997): гребни с полукруглой спинкой типа III по С. Томас; круглые и овальные пряжки с сильно утолщенной передней частью рамки; двупластинчатые фибулы длиной более 6 см, с узкой ножкой; высокие фасетированные умбоны; U-образные наконечники ремней; ряд типов конических и толстостенных кубков.

Легко убедиться, что материалы Чк позволяют выделять практически всем специалистам два, а то и три, хронологических подразделения с индикаторами ранней части фазы D. Другое дело, что это сделано не во всем убедительно или позволяет еще более дробные группировки. Очевидно, что необходимость работы по периодизации Чк не снимается отсылкой на выделение в Центральной Европе фазы D1, в ряде регионов маркирующей приток населения с северо-востока и востока. Среди этих мигрантов были и потомки носителей Чк, что еще более усложняет вопросы синхронизации.

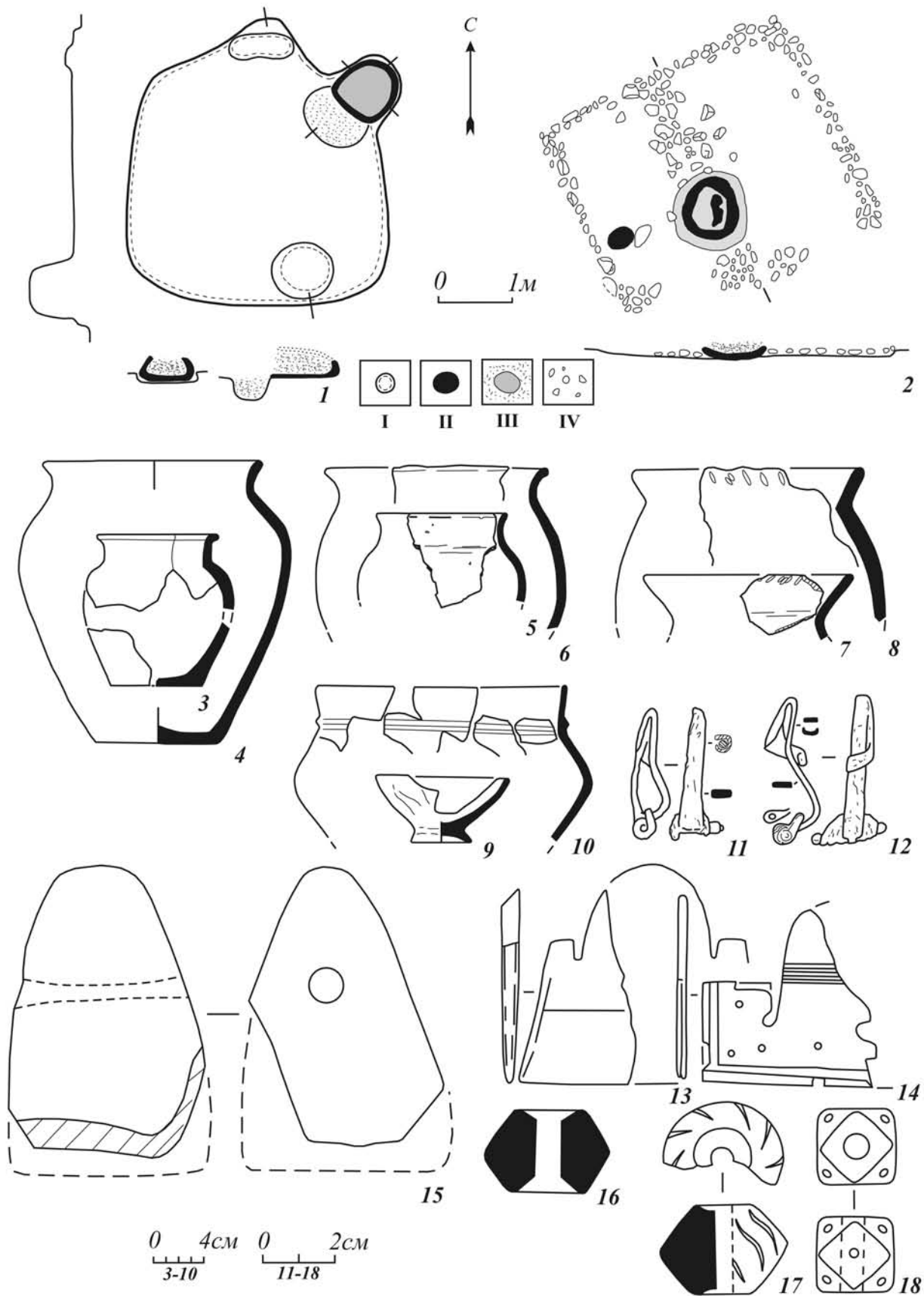
4. Подразделения не ранних фаз D, предложенные Я. Тейралом или Ф.Бирбрауэром, основаны, прежде всего, на материалах женской субкультуры, связанной в основном с восточногерманскими традициями, испытавшими сильное позднеантичное влияние. Формирование ряда особенностей фазы D2 в Среднем Подунавье (группа Унтерзибенбрун – Лаа на Дые), наряду с североевропейскими и провинциально-римским влиянием, объясняют притоком нового населения из Причерноморья и/или установлением стабильных дунайско-черноморских связей.

Индикаторы фазы D2 в Чк единичны, что объяснимо не только хронологической разницей, но и сравнительной изолированностью ряда групп Чк от «новых веяний» в костюме варварской элиты. Очевидно, что ссылка на индикаторы D2 уместна при обсуждении лишь небольшой части проблемы финала Чк. Не снимает эту проблему и лишь намеченный Ф. Бирбрауэром горизонт Виллафонтана, тем более, что автором термина этот горизонт считается «постчерняховским», хотя и предшествующим D2.

Вещи, показательные для фаз D2/D3 и D3, в комплексах Чк не встречены, но представлены находками в ее зоне. Они маркируют постчерняховский этап, отражающий сохранение осколков черняховских традиций и населения, а также влияние восточногерманских культур Подунавья и Причерноморья.

5. Итак, апелляция ряда коллег к центральноевропейской номенклатуре не всегда оправдана, а иногда огрубляет и искажает картину. Этот феномен объясним скорее психологическими, чем действительно содержательными, факторами. Фактически в некоторых работах номенклатуру центральноевропейских фаз, имеющих вполне определенное культурно-историческое и типологическое содержание, используют в качестве хронологических маркеров, что не корректно в отношении самой номенклатуры.

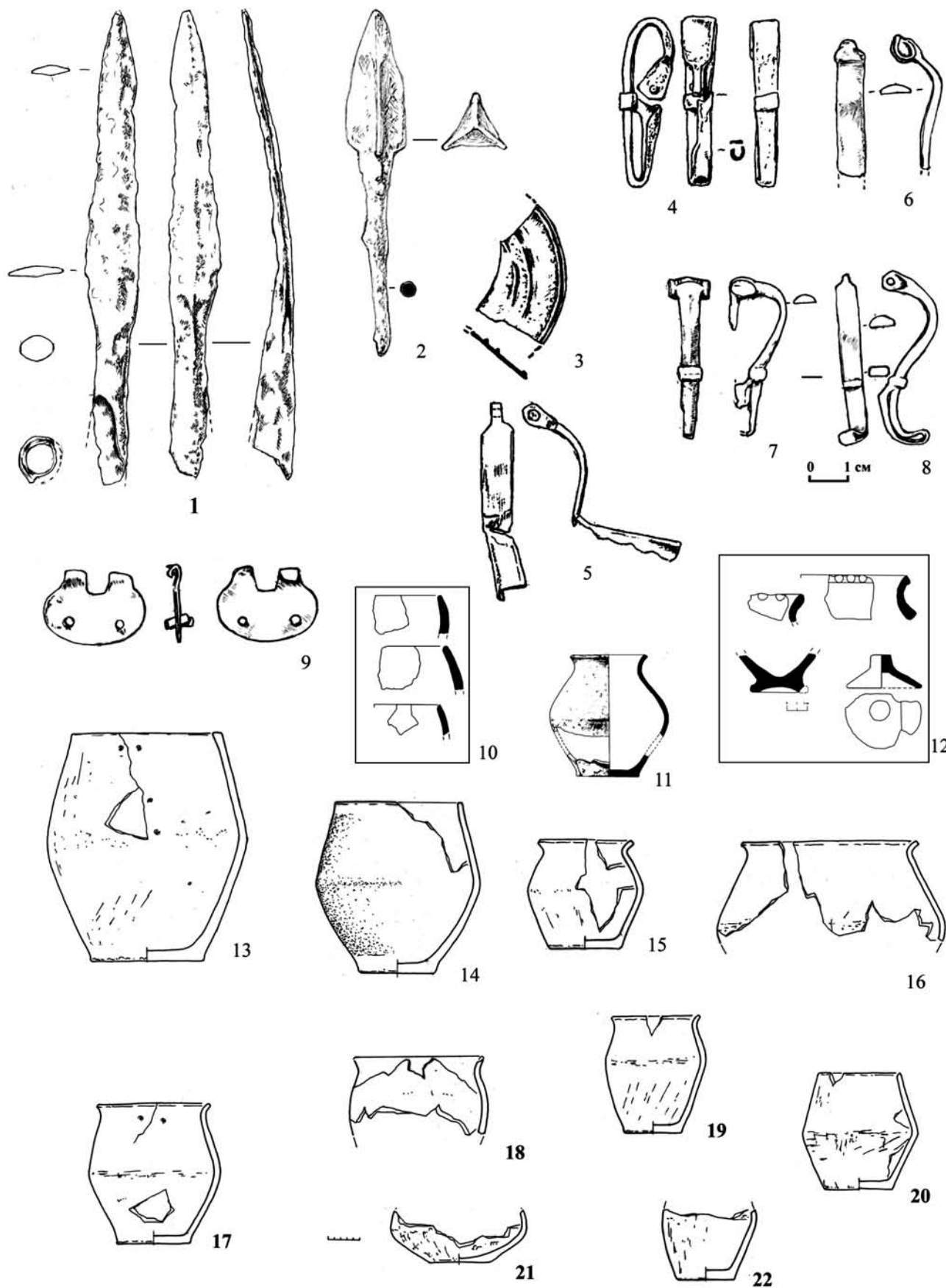
Совершенствование хронологии Чк связано с построением ряда локальных шкал, основанных на перепроверке источников, разработке чутких типологических построений, обязательной дискуссии с наработками коллег. Синхронизация таких шкал между собой, а также с центральноевропейскими, крымскими и другими шкалами, безусловно, необходима, но употребление терминов в такой работе должно быть продуманным и максимально адекватным как их содержанию, так и изучаемому материалу.

Акимов Д.В.

**ЧЕРНЯХОВСКАЯ МИГРАЦИЯ В РАЙОН БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО ДОНА
В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ**

Рис. 1. Материалы памятников Верхнего Подонья, имеющие черняховские прототипы.
 1-4,8,17 - III Чертовицкое; 5 - Крутогорье; 6,7,15,16,18 - Староживотинное 3;
 9,10,13,14 - Замятино 8; 11 - Малый Липяг; 12 - Замятино 7.
 I - границы ям; II - обожженная глина; III - зола, угли; IV - камни.
 Керамика: 3-9 - лепная; 10 - лощеная. Вещи: 11,12 - железо, бронза; 13,14 - рог; 15-18 - глина

Башкатов Ю.Ю.

НОВІ ДОСЛІДЖЕННЯ ЧЕРНЯХІВСЬКИХ ПАМ'ЯТОК НА ПІВДНІ
СЕРЕДНЬОГО ПОДНІПРОВ'Я

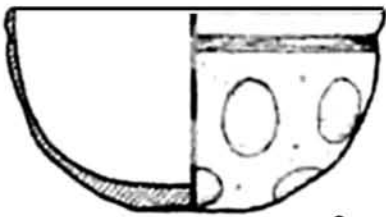
1,2,4 - залізо, 3 - срібло (?), 5 - 9 - бронза, 10 -22 глина

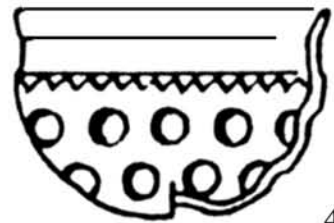
1.

2.

3.

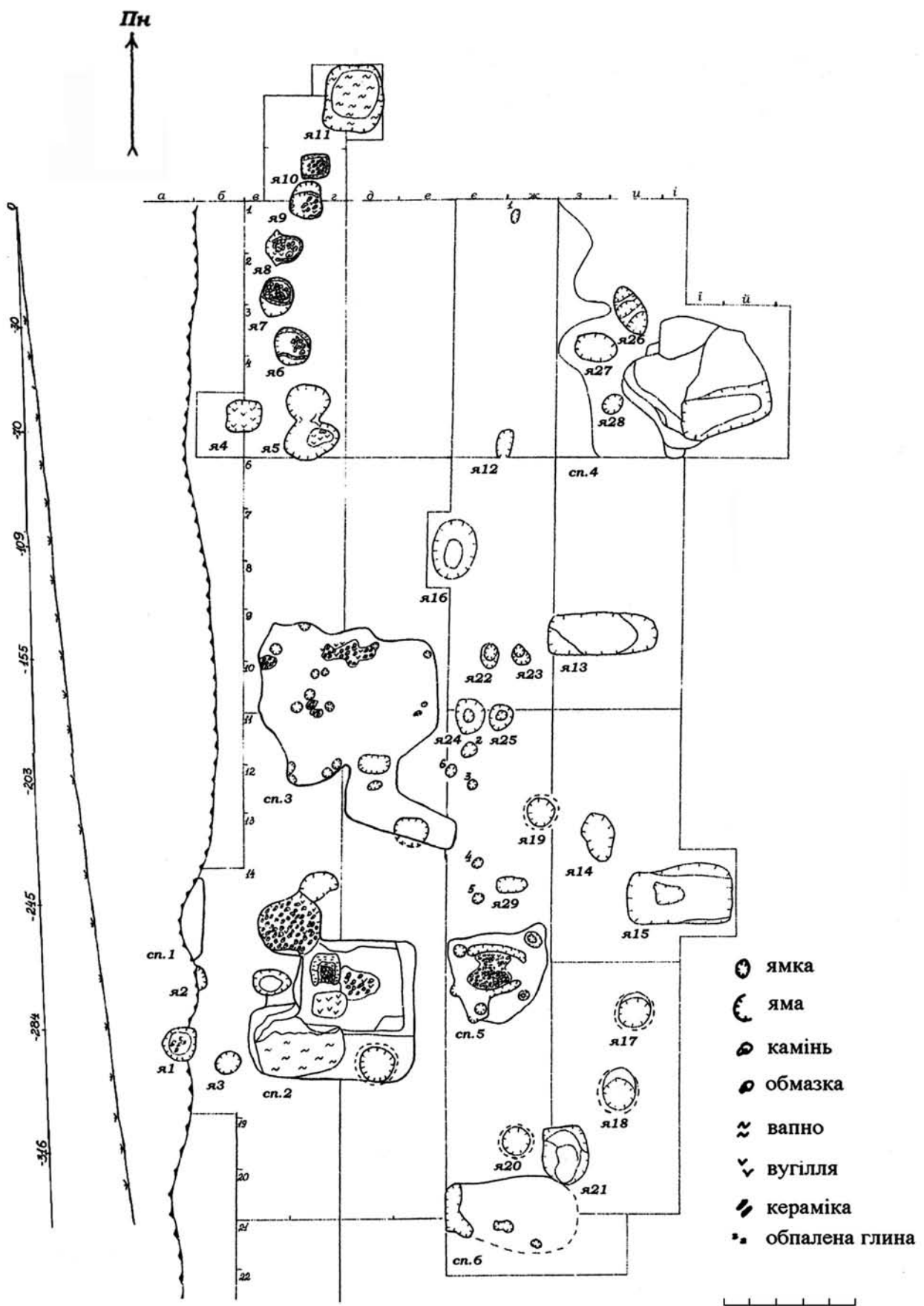

4.

Варачёва К.Г.

МЕСТО СТЕКЛЯННЫХ И ГЛИНЯНЫХ КУБКОВ В "СЕРВИЗЕ"
ПОГРЕБИЙ НА МОГИЛЬНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

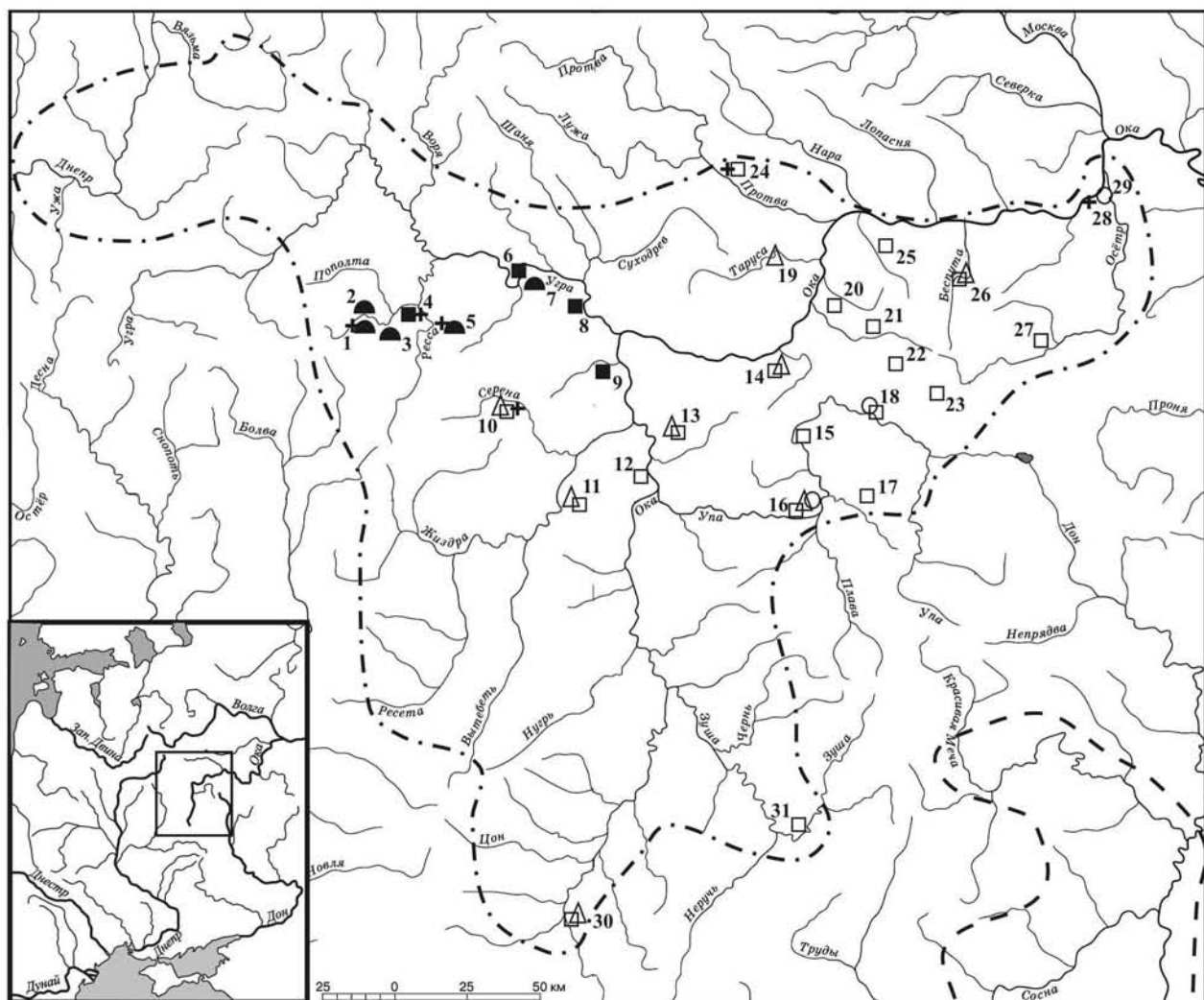
Глиняные кубки из могильника Компанийцы: погребение 164 (2),
погребение 139 (4) и их стеклянные прообразы (1, 3).

Войнаровський В.М.

ПРОБЛЕМИ АРХЕОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ДОПОМІЖНИХ
РЕМЕСЕЛ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ
(ВАПНЯРСТВО, ВУГЛЯРСТВО, ДІГТЯРСТВО)

Гряда-І - вапнярсько-чинбарський осередок IV ст. н. е. поблизу Львова

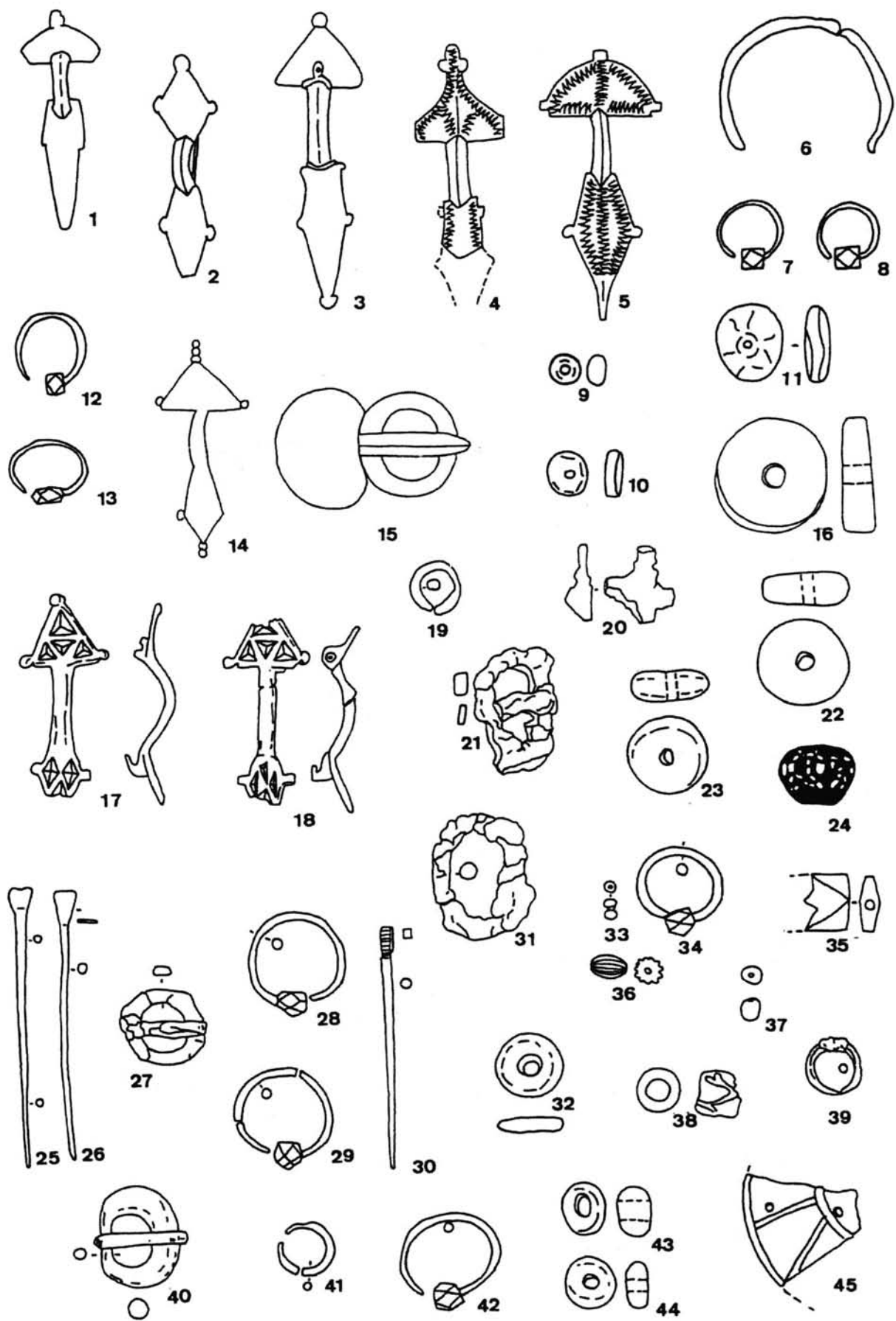
- · - · - · - · - граница мощинской культуры
- - - - - граница памятников типа Каширки-Седелок
- - мощинские поселения, на которых отсутствуют глиняные сковороды
- - мощинские поселения, на которых найдены глиняные сковороды
- ▲ - мощинские курганы
- + - находки окских фибул с кнопкой ранних серий (по И.Р. Ахмедову)
- △ - находки черняховских фибул
- - находки жерновов

Воронцов А.М

ГОРИЗОНТ ПЕРИОДА ЧЕРНЯХОВСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПАМЯТНИКАХ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники мощинской культуры кон. III-сер. IV вв.

- 1-Шаньково, 2- Почепок, 3- Дубровка, 4- Мощины, 5- Кажакки, 6- Николо-Ленивец,
- 7-Дюкино, 8- Свиноухово, 9- Воротынск , 10- Серенск, 11- Дешовки 2,
- 12- Дуна, 13- Акиньшино, 14- Сенёво, 15- Поречье, 16- Супруты,
- 17- Майский, 18- Щепилово, 19- Лысая Гора, 20- Мосолово, 21- Никулино,
- 22- Ново-Клеймёново, 23- Торхово, 24- Огубское, 25- Нижняя Городня,
- 26- Борисово, 27- Соколовка, 28- Сосновка 2, 29 - Ростиславль, 30- Лужки,
- 31- Воротынцево.

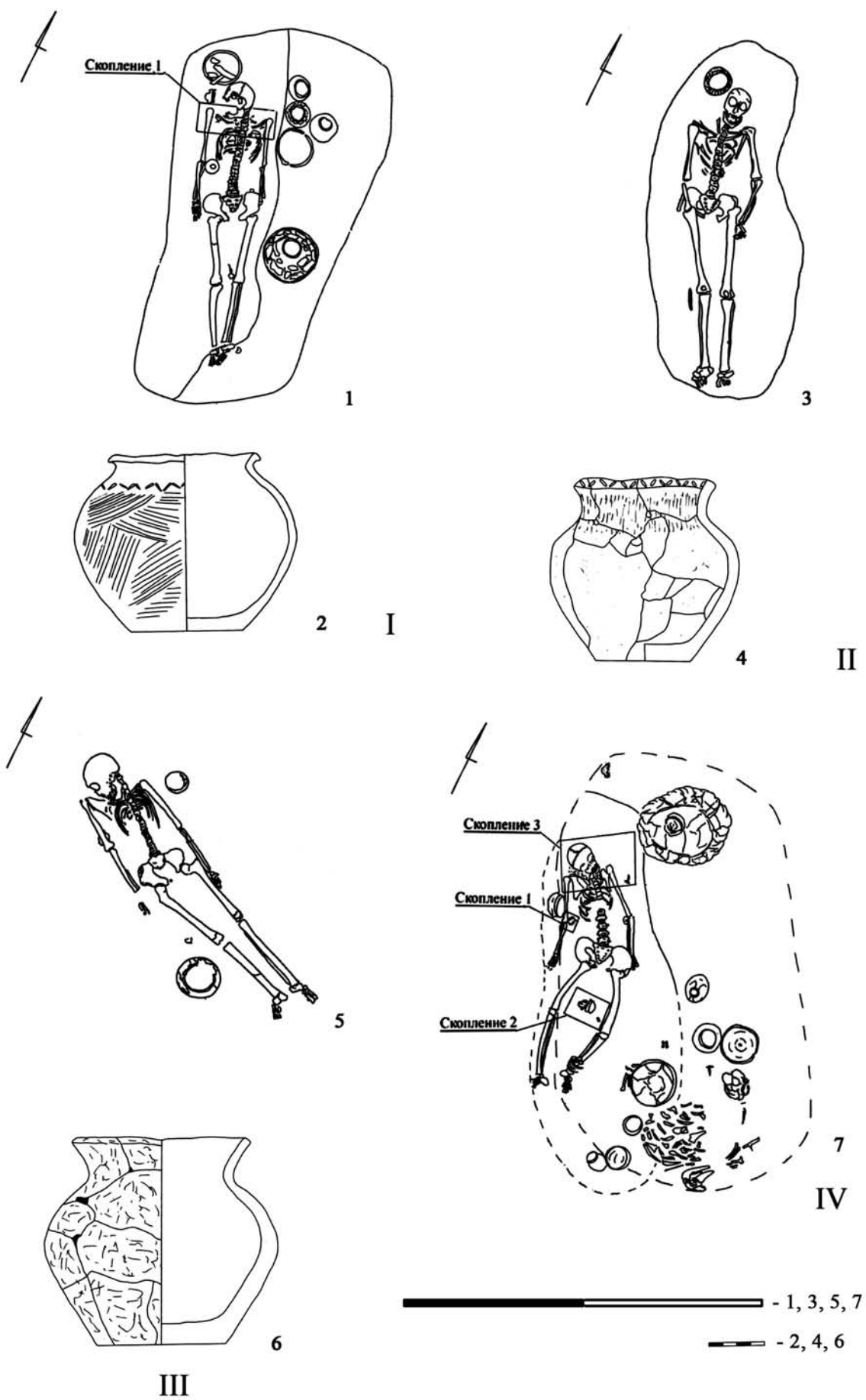

Казанский М.М.

**О ПОСТЧЕРНЯХОВСКОМ ГОРИЗОНТЕ НА ТЕРРИТОРИИ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.**

Рис. 1. Древности постчерняховского времени на территории черняховской культуры (Kazanski 2009, fig. 50).

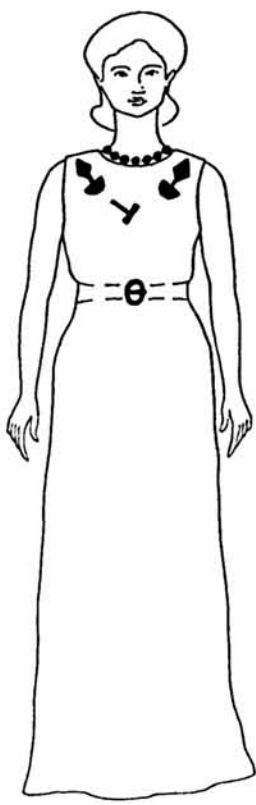
1: Нишитени; 2: Чигиринский или Черкасский уезды; 3: Каневский уезд; 4-11: Роман; 12: Чулаковка; 13: Кардашинка; 14, 15: Кучугуры; 16-45: Ботошани

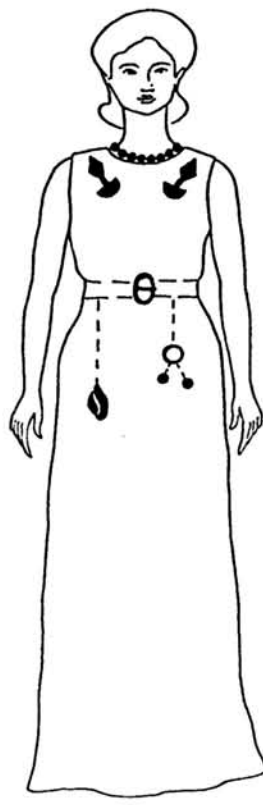
Любичев М.В.

САРМАТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА МОГИЛЬНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

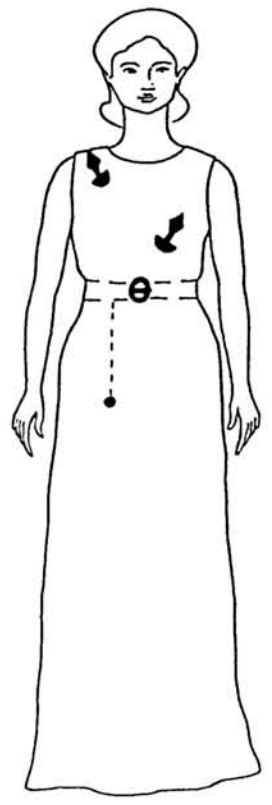
Рис.1. Некоторые погребения "сарматской традиции" на могильнике Войтенки и лепные горшки из этих погребений: I - № 54; II - № 43; III - № 51; IV - № 41.

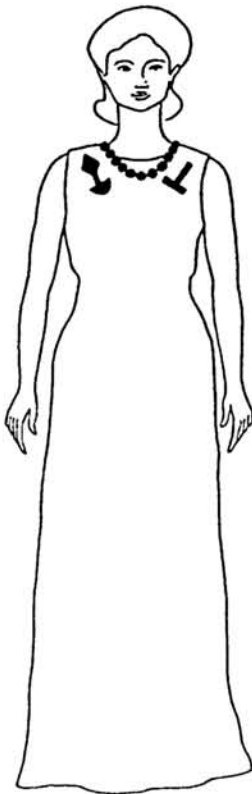
1

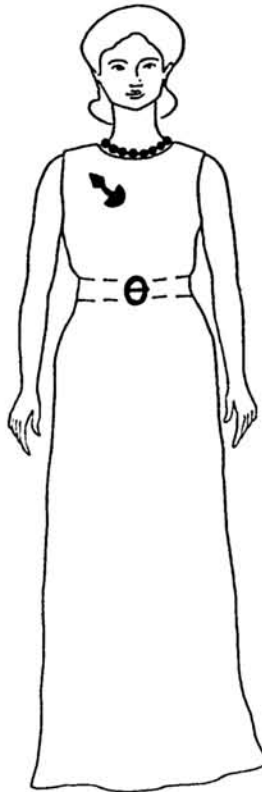
2

3

4

5

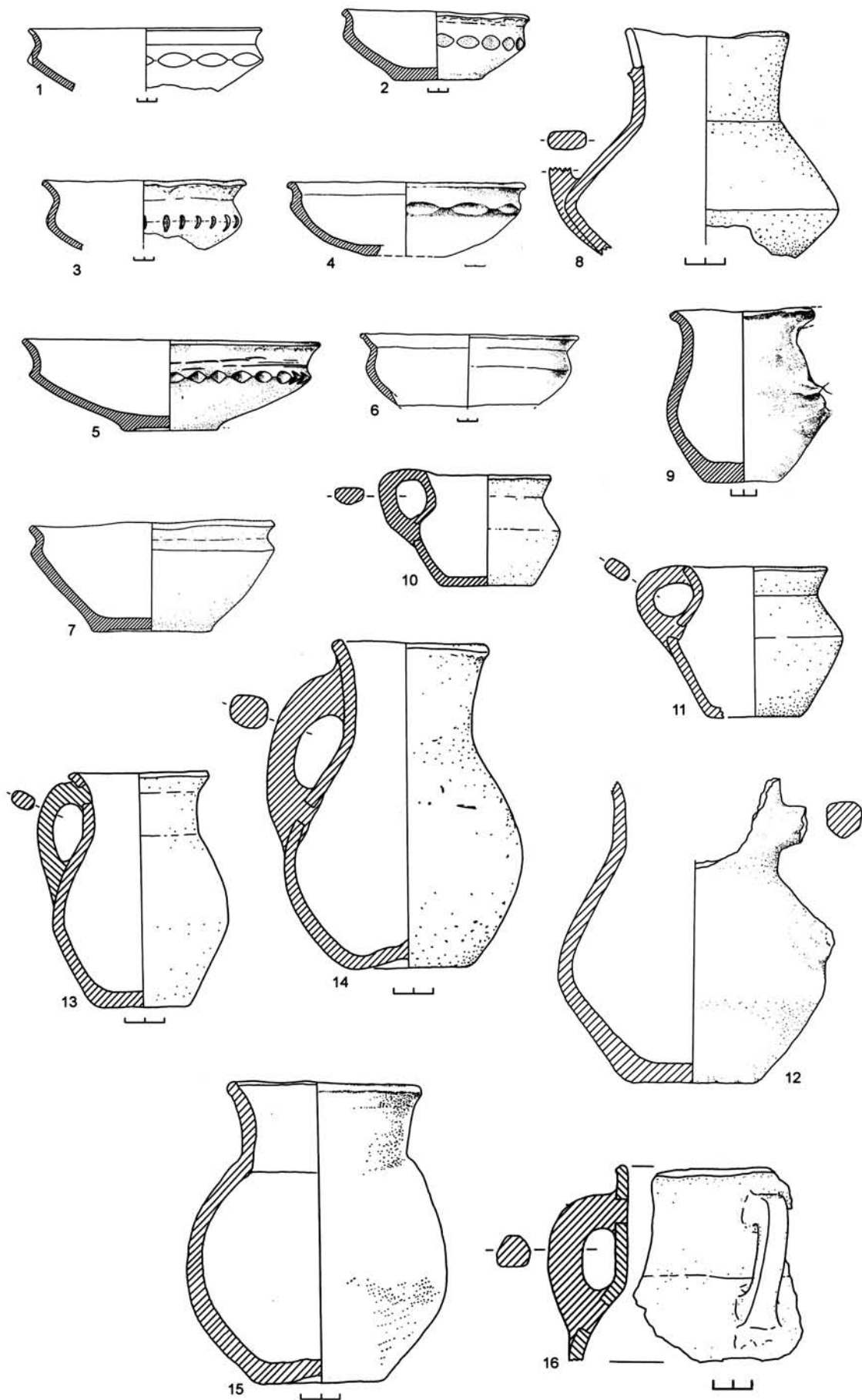

6

Мастыкова А.В.

ЖЕНСКИЙ ЧЕРНЯХОВСКИЙ КОСТЮМ С ДВУПЛАСТИНЧАТЫМИ ФИБУЛАМИ

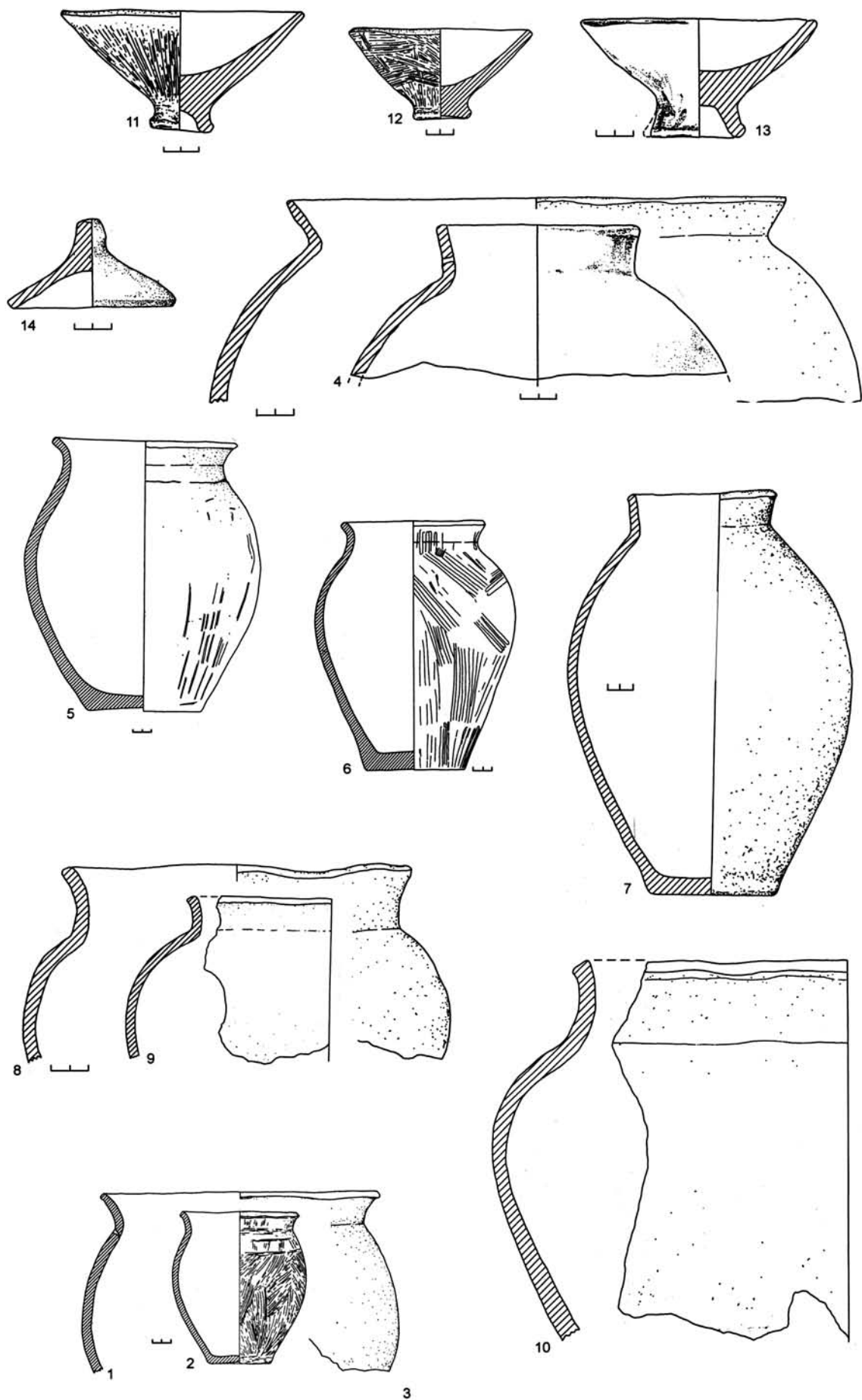
Типы черняховского костюма с двухпластинчатыми фибулами.
1: тип 1; 2-4: тип 2; 5,6: тип 3

Обломский А.М.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАСЕЛЕНИЯ
ПОСЕЛКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАНАИСЕ.

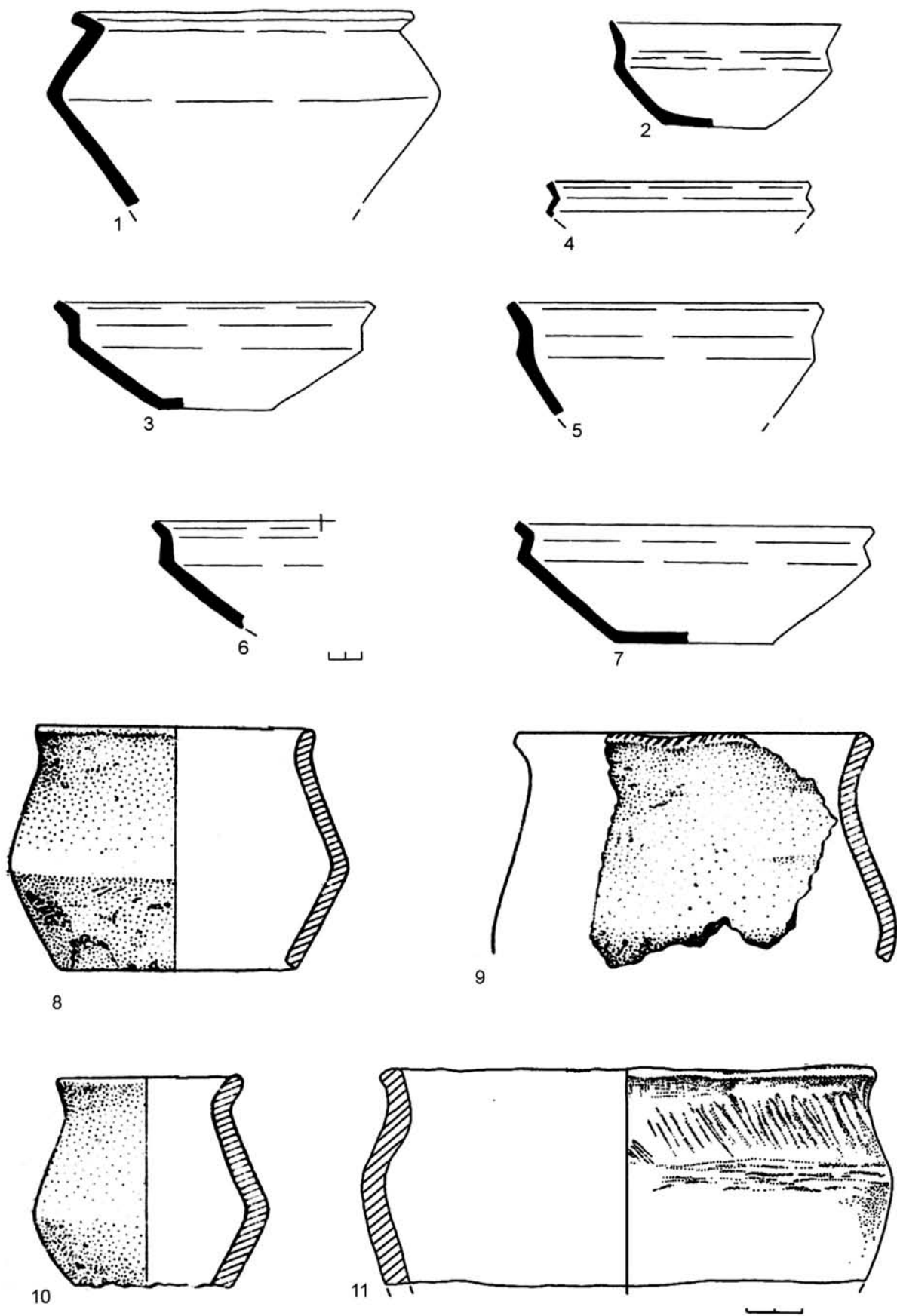
Рис. 1. Лепная столовая керамика

Обломский А.М.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАСЕЛЕНИЯ
ПОСЕЛКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАНАИСЕ.

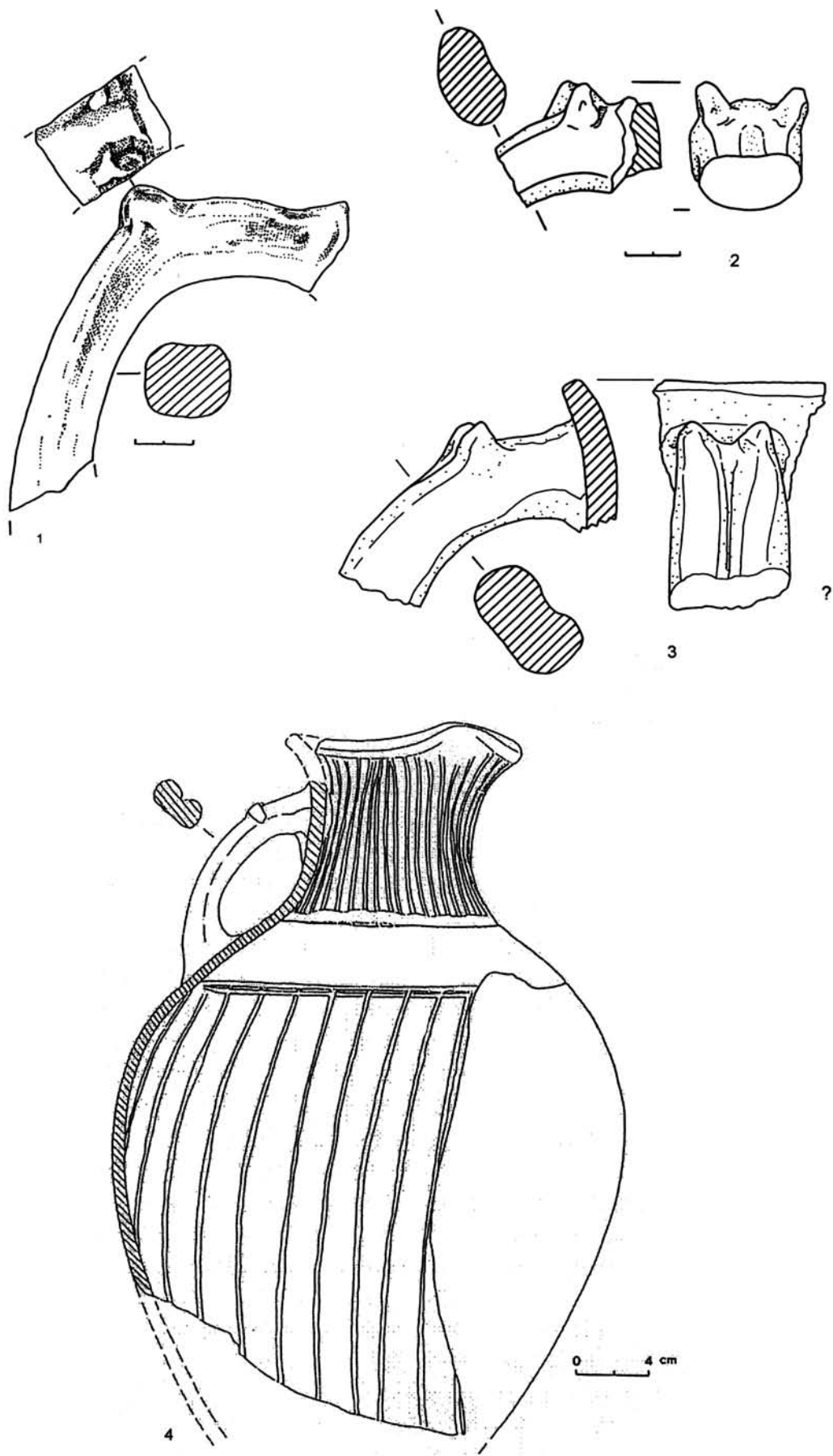
Рис. 2. Груболепная посуда первого набора ("иранская" традиция)

Обломский А.М.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАСЕЛЕНИЯ
ПОСЕЛКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАНАИСЕ.

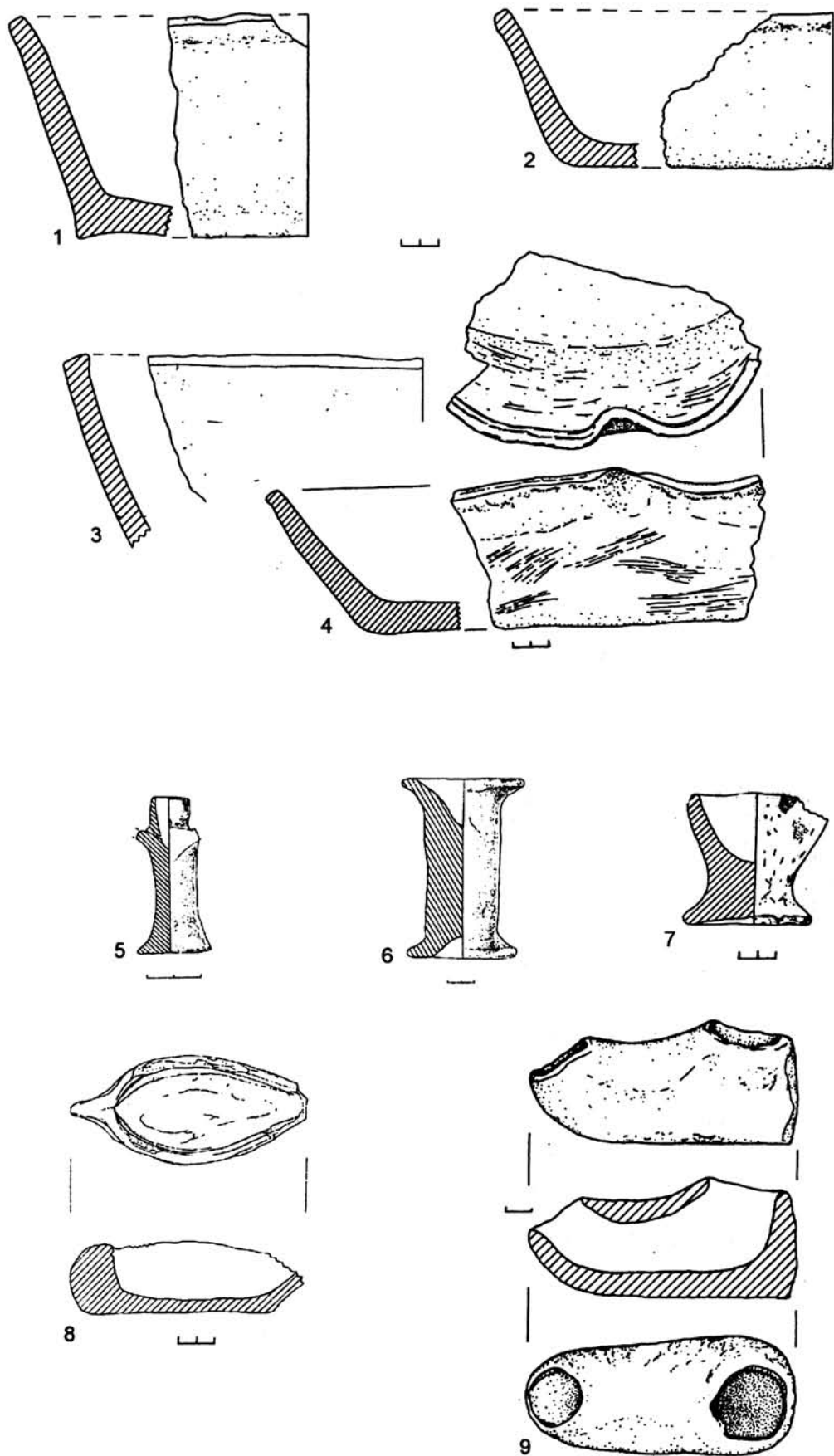
Рис. 3. Лепные столовые миски первого набора ("германская" традиция; 1-7); груболепная керамика третьего набора (8-11).

Обломский А.М.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАСЕЛЕНИЯ
ПОСЕЛКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАНАИСЕ.

Рис. 4. Обломки лепных (1-3) кувшинов и гончарный кувшин (4) второго набора

Обломский А.М.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ НАСЕЛЕНИЯ
ПОСЕЛКА ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ТАНАИСЕ.

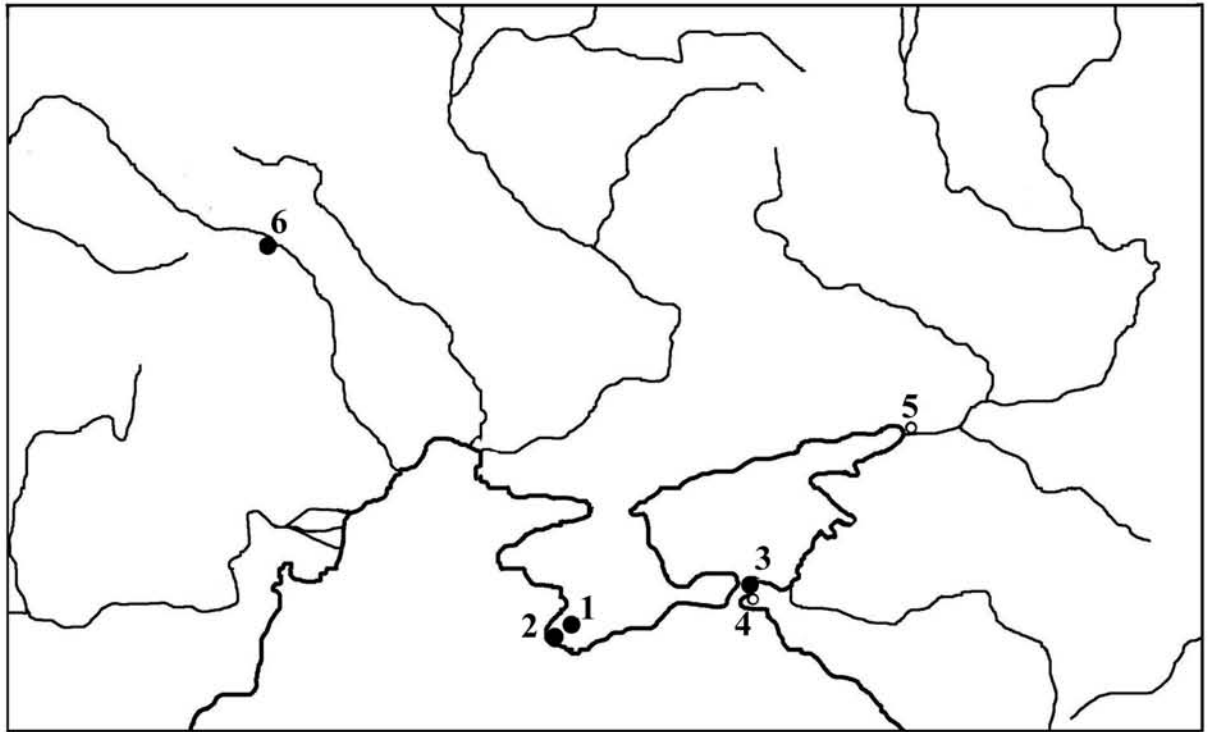
Рис. 5. Лепная керамика четвертого набора

Радюш О.А.

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК У ПОСЕЛКА ИМ. КАРЛА ЛИБКНЕХТА (ПЕНЫ)
И ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ КУРСКОГО ПОСЕМЬЯ.

1. Густомой; 2. Сергеевка; 3. Люшинка; 4. Малеевка; 5. Сугрово; 6. Клишино; 7. Пены;
8. Кудеярова гора; 9. Быки; 10. Макаровка; 11. Глушково (бывш.); 12. Дроняево; 13. Гупово;
14. Александровский; 15. Сорокина; 16. Авдеева; 17. Липина; 18. Дичня; 19. Лукашевка;
20. Иванино; 21. Чапли; 22. Любицкое; 23. Колпаково; 24. Рязаново; 25. Мальцево;
26. Самсоново; 27. Гостомля; 28. Первомайская; 29. Нижняя Паровая; 30. Радутина;
31. Раково; 32. Семеновка; 33. Левшинка; 34. Анастасьевка; 35. Кромские Быки 1-5;
36. Дурово; 37. Бобрик; 38. Сопеловка; 39. Успенка; 40. Городенск; 41. Воронино;
42. Малютино.

Румянцева О.С.

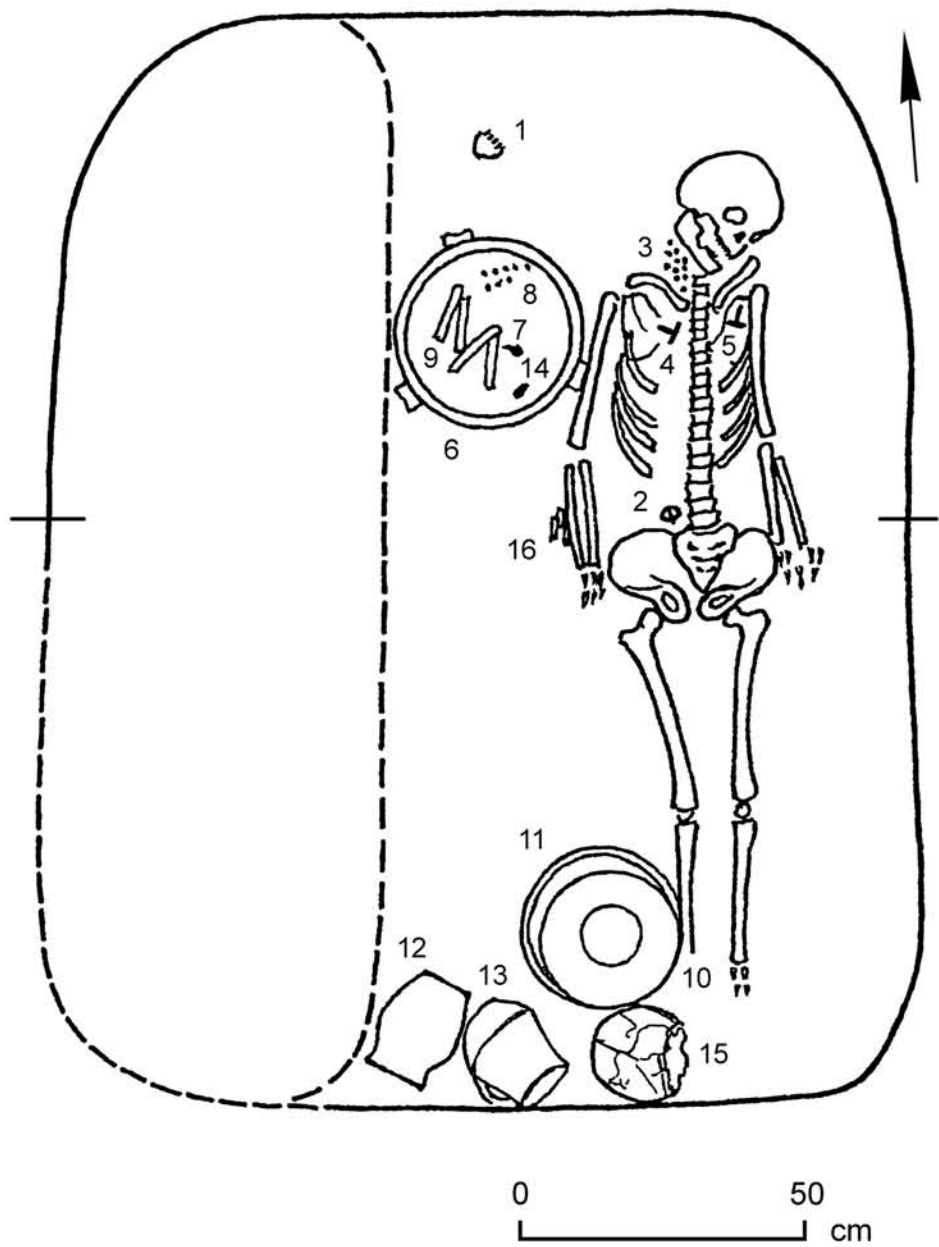
СВИДЕТЕЛЬСТВА СТЕКЛОДЕЛИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И НА ДНЕСТРЕ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Рис.1. Свидетельства стеклоделательного производства в Северном Причерноморье и на Среднем Днестре

1 - Альма-Кермен, 2 - Херсонес, 3 - пос. Ильич, 4 - Фанагория, 5 - Танаис, 6 - Комаров

● - СВИДЕТЕЛЬСТВА СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

○ - ВОЗМОЖНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Шульце Эрдмута

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕРНЯХОВСКОГО КОСТЮМА
 ИЗ МОГИЛЬНИКА НАГОРНОЕ-2

Рис. Нагорное 2, погр. 58: 1 - гребень, 2, 16 - пряжка, 3 - низка бус, 4,5 - фибулы, 6, 10-14 - сосуды, 7, 14 - железных изделий, 8 - бусы, 9 - жертвенная пища, 15 - кусочки песчаника.